РАССКАЗЫ ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ В СНЕЖНУЮ

Дмитрий Китаев,
Илья Костенчук

Летом 1983 года была экспедиция в Снежную. Таня Немченко, Андрей Бизюкин и Таня Лясина работали на дне, в зале Метростроя, а Дима Китаев и Илья Костенчук помогали им с заброской к Седьмому завалу. Об этой экспедиции Дима написал три рассказа.

КОЗНИ БЕЛОГО

Тема о предчувствии, способности предугадывать события, не так уж редко всплывает в разговорах и является одной из самых интригующих. Не высказывая своего отношения к этой теме, хочу описать один случай, действительно происшедший во время экспедиции в Снежную, а вы уж судите сами ...

Было это во время нашей с Татьяной загрузки в Университетский зал. Мы довольно быстро (насколько позволяли три мешка) спустились в Галерею и вознамерились было поживиться чем-нибудь вкусненьким в оставленном перекусном мешке. Но эта идея, к сожалению, не оказалась оригинальной. Предыдущая группа так основательно порезвилась на этой ниве, что на нашу долю остался один сахар. Мы уныло высосали по кусочку и решили быстро-быстро бежать вниз, чтобы успеть на обед (завтрак? ужин?...).

Подошли к предколодцу, и пока Татьяна рассматривала навеску, меня вдруг посетила следующая мысль: "Вот будет паршиво, если мы оставим мешок со всеми личными зажимами в Галерее. Стремян на себе у нас нет, придется их делать из веревки. Эх и ногу они будут резать!" Появилась и исчезла. Но она была настолько четкой и ясной, настолько неуместной, что, казалось, я услышал обрывок чужого разговора. И главное - никаких опасений за мешок раньше у меня не возникало, да и вообще, в прошлом ничего не могло дать повода к подобным мыслям.

Подумав о том, что мешок надо не забыть, я аккуратно положил его рядом с навеской, сел на рогатку и съехал вниз. Естественно без него! Обнаружил я это только внизу и испытал несколько секунд буквально мистического ужаса. Правда, испуг быстро прошел - дело было поправимо, наверху оставалась Татьяна.

Интересно, кстати, что подобное явление обнаружили давно. Есть японская пословица, которая звучит приблизительно так: "Если ты очень боишься допустить какую-нибудь ошибку, то почти наверняка допустишь!" Видимо, сама боязнь служит сильным психологическим тормозом и снижает способность к действию.

Я дважды крикнул наверх - а воды в колодце было мало и слышимость хорошая - чтобы Татьяна взяла мешок, и отчетливо услышал в ответ: "Поняла!"

Я принял внизу мешки, затем отошел из под навески, потушил свяет и стал ждать. Вскоре послышался характерный шорох, отблески света заскользили по мокрым стенам, и Татьяна спустилась вниз. Каково же было мое удивление (с мурашками по коже), когда выяснилось, что мешок с самохватами она не взяла! Более того, она не поняла, что его нужно взять, но готов покляться, что сверху услышал: "Поняла!". Татьяна же утверждала, что такого слова (и похожего на него) вообще не говорила. Без преувеличения, мы на несколько мгновений просто онемели - слишком уж это смахивало на козни Белого...

Дальнейшее было менее интересным, впрочем, оправдались все мои самые худшие предчувствия, даже с избытком. Действительно, сделали стремена из веревки, действительно, они сильно резали ногу, но вот чего я не предвидел, так это того, что у нас окажутся два разных зажима: по веревке и по тросу. Пришлось подниматься сразу по двум навескам...

Кстати, в этот мешок, похоже, вселился дьявол! Мы еще раз его потеряли, на пути к Пятому завалу, причем основательно. Поиски заняли более двух часов.

В конце концов мои зажимы таки уплыли от меня, и произошло это между Пятым и Шестым завалами на Глубокой реке. И что интересно, выбрали они для этого такое место - на перекате, за которым сразу глубкая ванночка, и где искать бессмысленно. И вот теперь я совершенно серьезно думаю, что они с самого начала собирались удрать, и именно поэтому мешок все время пропадал. Сначала они сделали две неудачные попытки в компании других зажимов, которые были, надо думать, вполне добропорядочными и солидными зажимами и критически относились к этой гнусной затее, а когда этого не вышло, удрали в одиночку.

Господи, спаси нас от взбесившихся зажимов и прочего!

ТЕРРОРИСТ БИЗЮКИН

Стояла жара...

В этот день мы не работали в пещере и ,сидя у палаток, занимались или, лучше сказать, делали вид, что занимаемся своими делами. Мозги плавились в отвесных лучах солнца. Вокруг царила сонная дурь...

Вдруг до меня донеслись звуки явно искусственного происхождения. Я насторожился и явственно услышал: "Куч-ку-ду-у-у, Три колодца-а-а. Ты спаси, ты спаси нас от со-о-лнца-а..." Не составило труда установить, что заунывное пение доносилось со стороны Андрея. Но не только.

Вскоре поддержка пришла со стороны Ильи, который также возвестил всем окружающим о трех колодцах. Не считая плавок и красной шапочки, похожей на феску, на нем больше ничего не было, и, сидя на корточках и раскачиваясь в такт, он удивительно напоминал захолустного заклинателя змей. Я заинтересованно посмотрел на Татьяну - и что же - губы ее шевелились, и хотя из них не вырывался ни один звук, было ясно, чем они занимались. Все тем же: "Куч-ку-ду-у-у..."

Обо мне и говорить нечего: проклятый рефрен прилип как репей и пропитывал собой, казалось, все вокруг. Пицунда, Гудаута, не говоря уж о Дурипше, занимались хоровым пением. Со стороны Раздельного хребта, положительно, неслись те же заклинания. При этом выделялся густой бас воронки Снежной. Впрочем, ей по статусу положено...

До сих пор, кроме этих слов не знаю больше ни одного из этой песни, так как Андрей не счел нужным сообщить другие, мы прокручивали эту фразу, но зато как!

Кстати, это не единственный пример, так сказать, музыкального терроризма Бизюкина. У него есть еще одна любимая песня, которой он способен довести до «белого каления» даже небожителя. Там что-то такое про закат, который "нежно лукав и хочет облака лакать!" Я был страшно заинтригован таким началом и все с надеждой прислушивался, что же там дальше, но так ничего и не услышал. Но меня и сейчас разбуди ночью и спроси про закат - я не просыпаясь скажу, что он "нежно лукав" так его растак! Да, слово "лакать" мне показалось странным (а Вам?), но мою робкую попытку заменить его на хотя бы "ласкать", Бизюкин пресек в корне: "Лакать и только лакать!"

Ну так вот. Минут пять мы с усердием, достойным лучшего примененя, крутили эту шарманку, но если Андрей с удовольствием, то Татьяна с отвращением.

Она и не выдержала первой и взмолилась: "Андрей, прекрати!" Стало тихо. Благодатная тишина поплыла по ущелью. Мы сидели и наслаждались. Но недолго. Вдруг эта благодать взорвалась громким воплем: "Куч-ку-ду-у-у, Три колодца-а-а.!!" Пустив "парфянскую стрелу", Андрей тут же шмыгнул за угол палатки. Мы подскочили и возмущенно уставились друг на друга. Но, как бы это сказать, в этом возмущении чувствовалась изрядная доля смущения. И стало ясно, что проклятая мелодия продолжала крутиться в головах...

Чем не пример кратковременного коллективного заскока?!

ОЛИМПИЙСКОЕ СПОКОЙСТВИЕ ИЛИ НЕДОЖАРЕННЫЙ ЗАД

Надо сказать, что на Седьмой завал мы приплыли, в некотором роде, с подмоченной репутацией.

Мы - это Илюха и я. Первому особенно досталось. Сами понимаете, нелегко остатваться бесстрастным с дырой в паху (в гидре, конечно, в гидре!), размером 10x10 сантиметров.

Не прошло и трех часов, как мы поставили палатку и засуетились около гексогаза. Андрей в этом участия не принимал. Он свил себе гнездо в спальнике и оттуда сонно наблюдал за нашей возней.

Наблюдать молча быстро надоедает, и в перерыве между двумя сочными зевками он поинтересовался:

- А-а-а... Гм, у тебя нет что ли запасных штанов?

- Нет, черт побери, - ответил я, впрочем довольно спокойно: "Ты же сам посоветовал мне на этом переходе нацепить на себя все, что можно, чтоб ты провалился!" - еще спокойнее сказал я (девочки, во всяком случае, не проснулись, а их палатка была в каких-то двадцати метрах от нас).

Андрей выдержал паузу и с чувством произнес: "Как говорит одна моя знакомая, это Ваши личные похороны..."

Я промолчал, но если бы кто-нибудь в этот момент догадался потушить гексу, то он бы увидел светящееся малиновое пятно с очертаниями бороды и очков... Ну нет, совсем не от бешенства, как Вы могли подумать! Просто я слегка перегрелся у гексогаза.

Мне очень хотелось сказать, что его знакомой я не только бы бесплатно устроил пышные похороны, но и поставил бы памятник, на котором собственноручно высек бы эту фразу.

Правда, даже если бы я сказал все это - все равно напрасно, так как после своих слов Андрей немедленно заснул (надо думать, с чувством хорошо выполненного долга).

Во всяком случае, когда была готова каша, мы с Илюхой довольно-таки громко (ей богу, громко!) пригласили его, но в ответ раздалось лишь невнятное бурчание. Лично я ничего не разобрал, но Илья сказал, чо Андрей благодарит нас за предложение, но считает, что ему сейчас полезнее сон.

"Он так и сказал?" - изумился я. "А ты разве не слышал?" - невинно поинтересовался Илья. На этом вопрос был исчерпан, а вскоре - и каша.

Затем Илюха забрался в спальник - благо было в чем - и пожелал мне спокойной ночи. "Вот гады!" - подумал я (впрочем совершенно спокойно): А ведь оба в Москве мне наперебой твердили - “Бери меньше вещей, бери меньше вещей!” - хватит, мол, одних шерстяных носков!

Делать, однако, нечего, надо сушиться.

Перед я высушил довольно быстро, а вот наоборот... Это была песня, к сожалению, без слов! А слова хотелось произносить, притом много и долго.

Сначала я завис над гексой в позе профессионала по "гусиному шагу" - это такой вид передвижения, самый подходящий для безнадежных мазохистов - и установил рекорд по зависанию. Но то были еще цветочки! Ягодки пришли тогда, когда я начал сушить спину (не снимая свитера, конечно). Любой Йог самой высшей квалификации позеленел бы от зависти, видя, какие немыслимые позы я при этом принимаю!

Порой от мокрой шерсти поднимались такие густые клубы пара, что очки вмиг запотевали. В один из таких моментов я потерял бдительность и сел прямо на гексогаз! Сенсации однако не произошло - зад перед жарением полагается сушить - а вот гексогаз погас, палатка наполнилась едким чадом...

Я стал искать спички и несколько раз перелопатил все в палатке - спички бесследно исчезли. Мне раз десять попадала в руки даже соль, которая, как известно, имеет тенденцию исчезать, как только она понадобится. Помню, однажды мы дошли до точки кипения и чуть было не своротили палатку, разыскивая ее, а она преспокойно лежала себе в моей галоше, куда я ее положил, конечно, чтобы не забыть!

Всякому терпению бывает предел. Я схватил гексогаз и вышв..., то есть совершенно спокойно (и аккуратно) выставил из палатки, но этим проблему не решил. Света-то не было, а требовалось разыскать галоши! Пришлось продолжить. Одну галошу я нашел сразу, вторая же никак не попадалась.

Я вылез из палатки и продолжил поиски, но галоша исчезла, очевидно туда же, куда и спички!

Более нелепого положения себе трудно было представить. В полной темноте я стоял на одной ноге и лихорадочно соображал, что же делать. Вторую ногу ставить не хотелось, так как носки - это было единсвенное сухое во всем обмундировании.

Стало холодно. Чтобы описать мое положение не надо много слов, достаточно перефразировать известную загадку:

- Что такое зеленое на одной ноге?

- Да это же Китаев на Седьмом завале!

А вот что писал Илья Костенчук об этой же экспедиции в своем дневнике.

КАК Я ПЛЫЛ К СЕДЬМОМУ ЗАВАЛУ

Выход начался со спуска из зала Победы на реку. Одеты мы были очень тепло - предстояло три проплыва. Сначала шли медленно, так как был очень жарко. Ну, вот и река. Текла она почему-то не в ту сторону, куда, как я думал, должна была течь. Пошли вниз по течению. Берешь мешки за вздержки, а "задницы" волочишь по воде. Правда, очень часто надо их поднимать, чтобы перетащить через какой-нибудь бульник или зацеп. Вскоре начались завальчики. Здесь мешки передавали из рук в руки. А в некоторых местах на реке их сцепляли вместе и сплавляли прямо по воде. Тогда с ними шел провожающий. Он был похож на пастуха, который гонит странных животных.

Сначала я шел по реке с удовольствием. Шел и надеялся тайком на свою гидру, на то, что после ремонта в зале Победы она не потечет. Не тут-то было! В одном месте надо было подлезать под глыбу и окунаться по пояс в воду. Я бодро подошел к этому месту, бодро влез в воду и вдруг услышал крик Андрея : "Проходи быстрее, ты уже протекаешь!" И через мгновение после его слов я убедился, что и в самом деле у меня протекает очко. И как Андрюха догадался прежде, чем я сам осознал свое несчастье? Наверное весь вид и поведение говорило, что я - горе-парень. Он (Андрей) вообще иногда относится ко мне как к ребенку.

То место, где я понял свою ущербность, я проскочил очень быстро, и поэтому протек очень слабо. По словам опытных и бывалых, впереди нас ждали только три проплыва. Оказалось - четыре. Что собой представляет проплыв? Это место, где глубоко и вдоль которого натянут реп в качестве перил. Ты подходишь к этому месту, берешь несколько сцепленных друг с другом мешков, хватаешься за перила и отважно (по крайней мере, в моем случае) бросаешься в воду.

Утешало меня одно: та шоколадка, которую Таня принесла с поверхности, будет моей. Она обещала эту шоколадку тому, кто протечет. Дима, правда, тоже слегка подтекал, но его протечка была столь мизерной, что на него смотрели как на человека, который не заслуживает и капли той жалости, которую заслужил я. Везде, где было глубоко, Андрюха относился ко мне очень ласково. Там, где можно было обойти скалолазанием, он поддерживал меня и советовал, где лучше схватиться. Во время проплывов он также давал всякие советы и вообще соболезновал мне.

Чинить место протекания "на ходу" было бесполезно. На каждом глубоком месте воды во мне пребывало. Плавал я по-всякому. Первый раз попытался сесть верхом на три мешка, как на лошадь, и проплыть, не замочив очко. Перила были натянуты слабо, и лошадь вырвалась из-под своего неумелого наездника. Я оказался по пояс в воде, и теперь только резвость, с которой я перебирал руками, могла уменьшить количество наливающейся в меня жидкости. В другом месте я пытался положить ноги на мешки и, опираясь таким образом, не замочиться. Так тоже ничего не получилось. Третий раз (небольшой отрезок) я проплыл как все. Но вот мы подошли к последнему глубокому месту. Длина 60 - 70 метров. Какой кошмар! Я собрал все свое мужество, лег животом на три мешка и пошел вперед. Вода была так холодна (3 град.!), что обжигала руки. Первые примерно 20 метров все было хорошо, даже приятно. Как только я почувствовал, что жизнь даже в таких условиях бывает не то

чтобы хороша, но удивительна, как тут же из-под самого важного места выскочил мешок. Дальше я уже ни о чем не думал кроме того, чтобы как можно скорее доплыть. У меня были совершенно мокрые штаны, и воды в сапогах - по щиколотку. Чтобы не замерзнуть, я стал без перерыва носить мешки...

КАК МЫ С ДИМОЙ ВЫХОДИЛИ ИЗ ПЕЩЕРЫ

Вышли из зала Ожидания (Седьмой завал) в 6 часов, а в зал Победы пришли около 14 часов. Всего 8 часов, а сколько переживаний за это время! Когда мы вышли, я втайне имел две мысли. Первая - о том, что вновь заклеенная гидра не потечет, и вторая - что мы доберемся сегодня сразу до Университетского зала. Но не так-то все здорово в нашей жизни. Мелкую реку до Шестого завала мы прошли довольно быстро. Река там красивая. Берега светлые. Вода прозрачная и неагрессивная. Почти везде можно идти даже с драным очком. А у меня оно было заклеено. Однако в одной из последних ванн я почувствовал, что заклеено оно не очень хорошо. Но так слабо почувствовал, что оптимизма своего не потерял.

На Шестом завале мы очень быстро прошли зал Дольмена. Дольмен - это три гигантские глыбы: две на попа, и одна - поперек них. Говорят, что возле таких строений водятся драконы. Не знаю как в других местах, а здесь для дракона был бы рай. Большой зал весь усыпан обвалившимися глыбами, перегораживающими его вдоль и поперек. И выглядит поэтому он даже не мрачно, а как-то драконисто. Сыпуха там страшная. Мы быстро проскочили зал, и уже на спуске нас остановила новая напасть. Опять поломался шнур у моего света. Ножа у нас не было. Кабель толстый. Что делать? Нашли такое положение шнура, в котором фонарь горит, и зафиксировали его с помощью изоленты. Таким образом до зала Победы я и дошел.

Следующая напасть случилась на водопаде перед Шестым завалом. Это мрачнейшее место, где дракон, если он водится в Дольмене, творит самые черные свои дела. Здесь все черно, рев и брызги от водопада. Котловина, куда он падает, приблизительно 15 метров глубиной. Говорят, во время паводков она превращается в кипящее озеро.

Первым вылезал я. Вылез без всяких происшествий, вытащил мешки, оттащил их подальше, сделал скрутку на гидре и стал ждать Димку. Жду, а Димки все нет. Я подошел к отвесу и крикнул: "Ку-у!". Дима деловито отвечает тем же. Проходит еще 10 минут. Наконец он вылезает. На мой немой вопрос привычно отвечает: "Стремя порвалось", и показывает порванное стремя. За короткое время нашего с ним знакомства, начиная с шахты Меженного, у него четвертый случай со стременами. И это, судя по всему, не все известные случаи.

Самохваты упаковали в кухонный мешок и пошли на проплыв. Димка пошел первым. Он взял один мешок и спокойно и плавно поплыл вдоль натянутого репа. Я решил плыть старым способом: лег на мешки пузом вверх и начал перебирать реп. Через некоторое время мешки стали разлезаться, и я с трудом их удерживал, поскольку приходилось плыть против течения. Чтобы не перевернуться совсем, отчаянно работаю всеми конечностями. А вода (о, эти три градуса!) заливается мне через многострадальное очко в штаны. И любой дурак догадается, что это очень неприятно. Воды затекло по колена. Я вылез и обалдел от остроты ощущений.

Впереди было еще три проплыва и несколько глубоких мест. Понятно, что мне было не до красот, я их не замечал.

Самый «финиш» был, когда Дима увидел, что у кухонного мешка порвалась вздежка, и из него выползают самохваты. Он как раз в это время прошел длинный перегон глубиною по пояс. Спохватились и обнаружили, что Димкины зажимы утонули. Вот это да! Это Вам не шуточки! А впереди пятьсот метров навески. На одной паре самохватов не разбегаешься. А если и ее потеряем?..

1983 г.

ВОСПОМИНАНИЯ (1982 год)

Андрей Игнатенко

В июле 1982 года небольшая поисковая экспедиция, возглавляемая Мишей Зверевым и Мариной Фунтовой, обнаружила и прошла до глубины 150 метров пещеру на северном склоне горы Остренькая. Самого Зверева долго уговаривали спуститься вниз; дойдя до Огромного зала на глубине около 110 метров, в котором появляется ручей, он сказал, что пещера хорошая и быстро вылез обратно. Сбросившись к морю, первопроходцы позвонили в Москву Саше Михалину и сообщили, что нашлась пещера.

В это время на Хипсте работала поисковая экспедиция во главе с Сашей Дехтяренко, посланная в очередной раз "закрывать" район. Я вместе с Володей Жолобенко, двумя женщинами и кучей жратвы выезжал туда же немного позже. Михалин собирал народ в Москве, а мне с Володей дал указание "быть готовыми". Забросились на Хипсту к Дехтяренко, а через две недели, к концу этой экспедиции, к нам поднялись Саша Михалин, Костя Мартынов, Саша Крот и Ваня Железнов.

Вшестером пошли через хребет к Остренькой. Сверху, с гребня увидели главный ориентир — озерко на северном склоне, названное потом Михалиным "Биде". Построились полуцепью (для цепи наш ряд не был достаточно стройным), отправились искать дыру. И нашли.

Работа в пещере шла почти круглые сутки. Те, кто был наверху, получали на всех завтрак, состоящий из примусника гречневой каши со шротом и жидкие супчики на обед. Про ужин не помню. Помню только, как мы с Жолобенко сидели под тентом и ждали обеда. Вся подземная раскладка состояла из транспортника с орехами в шоколаде. Уходящие под землю, вне зависимости от длительности выхода, получали по пакету этих орехов. Временами Михалин показывал пальцем в сторону Псху и рассказывал сведения, почерпнутые им из книжки, что-то о белогвардейцах и местном меде.

За два выхода пещера была провешена до Каменного Мешка (200 метров), и наступила наша с Жолобенко очередь. Подходим к уступу над 30-метровым колодцем в Гигантский зал. В русле ручья торчит зуб с два моих кулака. На нем — двойной булинь с лестницей и страховкой. Мне он показался подозрительным, я сел в лужу и ... руками отломал зуб вместе с навеской, отчего пришел в страшное возбуждение. Взяли веревку, данную нам на первопрохождение (крючьев с собой, естественно, не было), залезли вверх по меандру метров на 15, нашли большой выступ, за который и привязали веревку.

Спустились с уступа. Справа стена, слева — здоровенный зуб, выдающийся над колодцем как стрела подъемного крана. Веревка была завязана булинем за этот зуб. Навеска надежная, но как вылезать снизу? Вспомнился рассказ Михалина про этот колодец: "Подошел к зубу, болтаюсь в бутылке. Пытаюсь вылезти по петле — веревка прокручивается вокруг зуба. Как-то закинул наверх ногу, зацепился и вылез." Перевесили и здесь, после чего на первопрохождение осталось метров 20 веревки.

Расчистили очко в завале, на котором остановилась предыдущая группа. Навесили оставшуюся веревку, снова вышли на ручей. Еще уступ. Развязал стропу нижней обвязки, спустил на ней Жолобенко — там еще колодец, пещера прет! Щелкая клювами (вешать-то нечего), пошли наверх, предварительно съев все орехи. Под утро вылезли.

В пещеру пошли Костя Мартынов и Ваня Железнов, забрав всю имевшуюся в лагере веревку. Вылезли тоже под утро. Остановились на 60 метровом, сильно обводненном колодце. Веревки спускавшемуся Косте не хватило, пришлось надвязывать. Когда он вылез наверх колодца, руки замерзли так, что зажимы он сам расстегнуть не мог. От Кости и пошли страшные рассказы об этом колодце. До дна колодца ему остаалось метров 15.

октябрь 1996 г.

В ПЕЩЕРЕ АЛЕКСИНСКОГО (1983 год)

Валентин Горбаренко

Пещера Алексинского была найдена на Бзыбском хребте в районе горы Дзышра летом 1982 года поисковой экспедицией под руководством Миши Зверева. Пещера показалась очень перспективной, и решено было организовать туда зимнюю экспедицию "Кротов-Лосей". Организацию такой экспедиции взял на себя великий энтузиаст спелеологии – Саша Михалин. Экспедиция эта готовилась очень серьезно, конечно, во многом благодаря колоссальной работоспособности и даже некоторому фанатизму Михалина. В феврале 1983 группа "Кротов-Лосей" под Сашиным руководством отправилась штурмовать пещеру Алексинского. Но случилось непредвиденное – трагически погиб Саша Михалин. Экспедиция была свернута, а пещера осталась непройденной.

Возобновить штурм пещеры Алексинского решено было в августе 1983 года. Подготовка к этой экспедиции была облегчена тем, что от зимней экспедиции осталось много снаряжения, максимально были использованы разработки Михалина, в частности, при комплектовании модулей для подземного лагеря. Руководство экспедицией взял на себя Саша Крот.

Я в июле 1983 года принимал участие в экспедиции Жени Стародубова в пещеру Московская на плато Арабика и с нашими ребятами должен был встретиться в начале августа непосредственно в Гаграх. Естественно, что за три недели, проведенных на Арабике, я набрал неплохую физическую форму и отлично акклиматизировался.

Итак, утром из поезда Москва-Сухуми на перрон вокзала в Гаграх вываливается толпа спелеологов и начинает метать из вагона несчетное количество мешков. Через несколько минут поезд ушел, и у громадной кучи имущества и снаряжения начался совет – что делать дальше.

Дело в том, что неподалеку от пещеры располагалась база одного из отрядов геологической экспедиции, руководство которой находилось в Гаграх. Начальника этой экспедиции неплохо знал Костя Мартынов, и он рассчитывал, что можно будет договориться с геологами о заброске к пещере большей части нашего имущества на вертолете (в те годы еще можно было "договориться" о вертолете). Костины надежды вполне оправдались, геологи обещали всяческую помощь, вот только неизвестно было, когда будет вертолет. В итоге наше имущество перетащили на базу геологов, а в качестве сопровождающих оставили меня и Лешу Лациса. Остальные ребята поехали в Дурипш, откуда они налегке рассчитывали дня за два дойти до пещеры.

Так началось наше с Лешей трех- или четырехдневное (сейчас уже точно не помню) бдение. Ночевать мы ездили в Пицунду, спали на пляже около Рыбзавода в лагере ребят из Минска, с которыми мы там же и познакомились. А каждый день рано утром мчались в Гагры на базу геологов и целый день сидели на мешках, вслушиваясь в четыре уха – не летит ли вертолет. Наконец вертолет прилетел, он сделал несколько рейсов в разные отряды, а мы каждый раз боялись, что этот рейс будет последним и мы в этот день опять никуда не улетим. Но нам повезло – последним рейсом уже часов в пять вечера все наше имущество и нас вместе с ним забросили под гору Дзышра на базу геологического отряда.

Как геологи не уговаривали нас остаться у них на ночь, мы с Лешей решили, что надо идти к нашим ребятам. Правда, ни Леша, ни я в этих местах никогда не были, до наступления темноты оставалось совсем мало времени, а до лагеря было (по словам геологов) около двух часов хода. Но мы с Лешей тогда были молодые и глупые, поэтому, взяв на всякий случай фонарь (один на двоих), мы бодро направились вверх на хребет на поиски лагеря спелеологов. Конечно, когда через пару часов стемнело, никакого лагеря мы еще не нашли. В темноте темпы нашего передвижения по горам резко снизились, эффективность поисков резко упала. Несколько раз мы выпиливали на какие-то обрывы, и когда уже начали думать

о том, что не миновать нам холодной ночевки, где-то далеко внизу мы увидели огоньки. Хорошо еще, что к этому времени не все легли спать, и кто-то бродил по лагерю с фонарем. Дорогу к лагерю нам преграждали обрывы, поэтому мы начали кричать. Спустя некоторое время к нам поднялись ребята и в их сопровождении мы наконец-то воссоединились с основным отрядом экспедиции.

Следующие три или четыре дня ушли на то, чтобы доставить наше имущество от геологов в лагерь и подготовиться к штурму пещеры. Наконец, штурм начался.

В очередной выход с целью установки подземного лагеря на глубине около 300 метров и дальнейшего первопрохождения пещеры отправилась группа в составе Саши Крота, Леши Лациса и меня. Груза у нас было достаточно много, так как кроме лагерного имущества мы тащили много снаряжения, рассчитывая на то, что пещера "пойдет". Помню, что особого впечатления пещера на меня не произвела. Обычная кавказская дыра – холодная, довольно много воды, узостей практически нет, не очень сложные и неглубокие колодцы. Правда, во многих местах не удавалось отвести навеску от воды, поэтому спускаться и подниматься в колодцах и на уступах приходилось прямо в потоке. Хотя следует сказать, что настроение у нас было довольно мрачное. Ведь совсем недавно в этой пещере погиб наш товарищ. Во многих местах были видны остатки спасработ – обрывки веревки, брезента, остатки перекусов и другое. Обычно такие вещи спелеологи за собой убирают, но в той экстремальной ситуации было не до того.

Наша группа без особых проблем спустилась до глубины порядка 350 метров до начала 60-метрового колодца. На дне этого колодца мы должны были установить лагерь. На этом колодце заканчивалась известная часть пещеры, так как именно в этом колодце разбился Саша Михалин. Навеска снаряжения и спуск в колодец также прошли без проблем, помню только, что было очень холодно, я спустился первым и принимал мешки, которые мне спускали Саша и Леша, а укрыться на дне колодца от потоков льющейся сверху воды было практически негде.

Наконец, все оказались внизу. В дальнем от навески углу колодца, где практически не лилась сверху вода, мы установили палатку, поели и завалились спать.[1]

На следующий день, взяв солидный запас снаряжения, мы пошли на штурм неизвестной части пещеры. Пройдя по наклонному ходу, мы очень скоро вышли к колодцу глубиной, как нам показалось, около 50 метров. Навесили 60-метровые веревки и я начал спуск. Примерно на середине колодца я попал в западню, – оказалось, что рапель зацепилась за выступ, и я оказался в образовавшейся петле. Пришлось, болтаясь на веревке, перестегиваться на самохваты, подниматься на несколько метров, освобождать рапель, затем снова садиться на каталку и спускаться. То есть я оказался, по-видимому, примерно в такой же ситуации, как и Саша Михалин зимой в 60-метровом колодце. Только там Саша был в потоке воды, а в моем случае навеска проходила несколько в стороне от водопада. Все эти манипуляции проделать замерзшими в холодной воде руками очень сложно, вот, наверное, почему Саша принял роковое для себя решение – резать веревку.

Итак, я на дне колодца. Глубина его оказалась чуть больше 30 метров, стены абсолютно вертикальные. И самое печальное, что я не вижу никакого продолжения, только в том месте, где дно несколько понижается, большая ванна. Вхожу в воду и пытаюсь рассмотреть, что же делается под водой. В дальнем конце ванны в стене колодца под водой на глубине более метра видна небольшая щель, куда и уходит вся вода – типичный сифон. Подтвердились мои худшие опасения – пещера заткнулась.

Пришлось подыматься наверх. Обследуя верхнюю часть этого колодца, я нашел систему сухих затянутых глиной узких наклонных ходов. Вход в эту систему был довольно не-

---

[1] Здесь следует сказать, что уже в первые часы в пещере я высказывал своим спутникам недоумение по поводу того, что в пещере Алексинского практически нет сквозняков. Движение воздуха ощущалось только в колодцах вблизи льющейся воды. Я же привык к тому, что в таких крупных пещерах, как Снежная, Межённого, Московская постоянно дует легкий ветерок. Здесь же – полный покой. Мне казалось, что это плохой признак — признак того, что пещера скоро заткнется. К сожалению, мои опасения подтвердились и очень даже скоро. (Прим. авт.)

тривиальным, – нужно было по полочке в верхней части колодца перейти к его противоположной стене, там подняться немного вверх и втиснуться в узкое отверстие. Я проползал по этим ходам минут сорок и вернулся назад, боясь, что Саша и Леша, оставшиеся на противоположной стороне колодца, будут беспокоиться из-за моего долгого отсутствия.

Затем мы еще порыскали по всяким щелям и, не найдя больше ничего путного, вернулись в лагерь. По-моему, на следующий день мы поднялись на поверхность. Во время подъема мне массу неприятных ощущений доставил 60-метровый колодец. Как я уже упоминал, в этом колодце невозможно обвесить воду, и все время приходиться подыматься в потоке ледяной воды. Я поднимался первым на самостраховке и, выбравшись, наконец, из колодца, минут 10 не мог снять самохваты, так как пальцы мои отказывались шевелиться. Все это время, сидя на краю колодца, я колотил руками о бедра и скрипел зубами от боли в руках.

На смену нам в подземный лагерь спустились Саша Дехтяренко и Андрей Игнатенко. Я им подробно объяснил, как найти эту систему сухих ходов, но они ее почему-то не нашли. Естественно, что все время на разных уровнях пещеры проводилась топосъемка. Я в этих выходах участия не принимал, поскольку не очень люблю заниматься топосъемкой, да и отдохнуть надо было.

Наконец подошло время сворачивать экспедицию и вынимать снаряжение. В подземном лагере к этому времени все еще находились Андрюха и Саша Дехтяренко. Они должны были свернуть лагерь, поднять все снаряжение наверх 60-метрового колодца и после этого налегке выходить. А на смену им должны были подойти я с Сашей Кротом и один парень из тогдашних новичков — Сережа Воропаев. Мы всю эту диспозицию обговорили с ребятами по телефону. И вот, как следует отоспавшись и постаравшись уничтожить максимальное количество продуктов, имевшихся в подземном лагере (а там было много чего вкусного!!!), Андрюха и Саша позвонили в базовый лагерь и сказали, что они готовы к выемке снаряжения, и что это их последний звонок, так как телефон они снимают. Получив это известие, мы начали не спеша облачаться в спелеоснаряжение, а спустя некоторое время разразилась мощнейшая гроза. Ситуация явно могла стать критической, ведь предупредить ребят о начавшейся грозе мы не могли (телефон уже отключен), а быть застигнутым во время подъема в 60-метровом колодце паводком – это не только малоприятное, но и опасное событие. Пришлось нам резко форсировать подготовку к выходу. Мы решили с максимальной скоростью спускаться вниз – может быть, удастся обогнать паводок. Договорились, что я побегу вниз один с такой скоростью, с какой смогу, а Саша Крот будет спускаться вместе с Сережей.

Уже на первых колодцах в пещере я понял, что паводок нам обогнать не удалось. Кругом грохотала вода и мощный поток устремлялся в каждый колодец. Чтобы ускорить спуск, я использовал не каталку, бывшую тогда у нас на вооружении, а древнее и простое спусковое устройство под названием “шайба”. В данной ситуации основным ее достоинством было то, что она мгновенно пристегивалась и отстегивалась от веревки. Естественно, что на небольших уступах я страховкой не пользовался. И вот на очередном уступе высотой 7-8 метров я пристегиваюсь к веревке, откидываюсь спиной вперед в колодец и ... лечу вниз в свободном падении. В спешке я плохо пристегнул свою шайбу, спасло меня только то, что упал я в ванночку с водой, глубиной порядка метра. Холодное купание сразу же меня отрезвило и дальше я был гораздо осторожнее. В одном из колодцев я проделал эксперимент – проверил можно ли дышать, находясь в потоке воды. Для этого я на некоторое время зафиксировался при спуске, находясь в самом потоке. Эксперимент дал положительный результат, – если не поднимать головы, то под козырьком каски дышать можно. Это меня несколько обнадежило, так как я помнил, что года за два до этого один из московских спелеологов – Володя Панюшкин – погиб в пещере на Алеке, захлебнувшись в потоке воды во время подъема из колодца в паводок.

Спустя примерно 40 минут после начала спуска, я оказался наверху 60-метрового колодца. Слава Богу, там уже находился Андрей Игнатенко. Он успел подняться до паводка и сейчас не спеша поднимал мешки, которые внизу ему пристегивал Саша Дехтяренко. Вдвоем процесс подъема мешков мы существенно ускорили, а вскоре заметили, что начался спад

уровня воды – паводок пошел на убыль. К тому моменту, как все мешки оказались наверху колодца, паводок уменьшился уже до такой степени, что можно было поднять и Сашу, что мы и сделали очень быстро и энергично, так что Саша внизу орал и ругался нехорошими словами. А вскоре подошли и Саша Крот с Сережей, и дальше весь процесс выемки снаряжения проходил в штатном режиме.

Под занавес экспедиции погода преподнесла нам еще один сюрприз. В тот момент, когда большинство палаток лагеря уже было снято, а рюкзаки еще не упакованы, разразилась сильная гроза, которая в скором времени перешла в снегопад. Густой снег шел около часа, и за это время покрыл десятисантиметровым слоем все, что было в лагере. В итоге множество мелких предметов оказалось погребенным под снегом. Ждать, когда сойдет снег, естественно, было нереально, к тому же стало очень холодно. Поэтому от Кости Мартынова поступила команда: “Спасайся, кто может!”. И народ, по мере того как укладывал свои рюкзаки, малыми группами по 2-3 человека уходил вниз. Вот так закончилась спелеоэкспедиция 1983 года в пещеру Алексинского.

октябрь 1996 г.

АЛЕКСИНСКОГО, ЛЕТО 1990

Алексей Шелепин

Вход в пещеру Алексинского находится на высоте 2230 метров, а река Бзыбь в Псху, куда она, похоже, разгружается, протекает на 600 метров. Заканчивается же пещера на глубине всего лишь 460 метров. По-видимому, это обстоятельство и послужило причиной того, что после 1984 года секцией было организовано еще 4 выезда.

Летняя экспедиция 1988 года забазировала на дне К60 трехместный секционный спальник и палатку и забыла модуль с карабином под первым мокрым колодцем.

Наступил наш черед. В конце июля 1990 года экспедиция в составе 28 человек высадилась в Адлере. Вещи, сопровождаемые Кириллом Евдаковым, полетели вертолетом, а остальные пошли пешком налегке.

Заброска к пещеру Алексинского — это процесс. За время этого процесса я сжег на солнце обратную сторону колен и уши. Позже, уже в подземном лагере, было больно сгибать ноги и одевать каску.

Поставили два лагеря (побольше — “бизюкинский”, поменьше — “шелепинский”), отделенные друг от друга небольшим бугром. Рядом — маленькое озерцо (а, может быть, большая лужа) с домашним названием Биде, из которого мы брали воду. В качестве холодильника использовали снежник на склоне под лагерем.

На второй день после прибытия я вдруг услышал крики снизу и пошел посмотреть, что случилось: на снежнике прыгал и махал руками Бизюкин — он отгонял орлов, которые уже успели утащить батон колбасы. Вскоре очистки от этой колбасы были обнаружены в Провале Коммунизма — пещере, начинавшейся здоровенной воронкой прямо в гребне хребта. В стене ее первого, 20-метрового колодца, была ниша, в которой располагалось орлиное гнездо с птенцами. Столь грандиозно начавшись, Провал Коммунизма закончился узостью на глубине около 50 метров. Надо сказать, что подход к Провалу осложнялся пикирующими орлами. Штурм был осуществлен в отсутствии взрослых птиц, но птенец чуть было не сел на каску Оли Михалевой.

Под землей работали в основном двумя группами. Постоянную часть первой группы, делавшей навеску, составляли Татьяна Немченко и Олег Одиноков. Мы же с Андреем Игнатенко занимались топосъемкой (сделанная ранее, в 1982-83 годах, была утеряна) и осмотром пещеры на предмет возможных продолжений.

Бизюкин, как настоящий стратег, сидел наверху — еще в Москве он порезал себе вену, раздавив стеклянную 3-литровую банку, которой прокатывал шов на гидре, и в пещеру лазить не мог.

Отсняли с поверхности привходовую часть, а затем вместе с Топом (студентом физфака Димой Козыревичем) ушли под землю, сделав хорошую площадку и поставив лагерь в Каменном Мешке на 200 метрах. Татьяна, Олег и Игорь Петрущенков поставили лагерь на 310 метрах над К60.

Топ страдал тем, что я бы назвал синдромом Ожидания Героического Выхода. (Я перенес это “заболевание” двумя годами раньше, в Московской.) Симптомы: человек лежит в подземном лагере, ест и спит — экономит силы и готовится к грядущим испытаниям, к Героическому Выходу. Итак, Топ готовился к испытаниям, Андрей готовил еду, я при свете свечей рисовал топосъемку, а Бизюкин, у которого был калькулятор, диктовал с поверхности косинусы.

Отсняв пещеру до верха К60 (точнее, К57), мы следующим выходом перенесли лагерь на его дно. Здесь у Топа появилась новая проблема. Его снова положили с того края, за

которым площадка плавно переходила в откос, а палатка была без дна. (Это произошло не по злому умыслу; просто он курил, а мы нет, и Топ при курении высовывал голову наружу.) Беда была в том, что это был другой край, а у Топа в лагере-200 уже выработался рефлекс, куда надо и куда не надо катиться во сне...

Сходили на дно, где Андрей без акваланга проверил, проходим ли сифон. С каждым разом он уходил все глубже и дальше под стену: сначала его держали за ноги, потом привязали к обвязке стропу, потом надвязали еще и веревку от моих ходовых зажимов. Татьяна вела по телефону репортаж о погружении.

Вернулись в лагерь, а на следующий день Топ пошел на поверхность. Он поднялся по навеске метров на 10, и тут у него оборвалось стремя. Спустился, завязал, снова поднялся метров на 15 — оборвалось другое.

"Сказкой" в лагере-400 служила большая щель за палаткой. На мой вопрос — "А что за ней?" — Андрей отвечал, что небольшой колодец, в который в свое время, сделав за него (Андрея) навеску, спустился Володя Жолобенко и ничего не нашел.

Надо сказать, что в верхней части пещеры сильно дует вниз, но на глубине около 250 метров, над первым мокрым колодцем, ветер уходит куда-то наверх, под потолок. В нижней части объемы большие, а ветер не ощущается. Как-то, находясь у упомянутой выше щели, уже после выхода на дно, я обнаружил, что снизу дует. На следующее утро (разговор с поверхностью: "У нас тихий вечер. — А у нас утро трудового дня") мы с Андреем пошли, забили крюк, спустились в колодец, я отвернул пару камней и открылся проход. Под ногами был золотистый песок — цвет ему придавали чешуйки какого-то минерала (пирита?), а через несколько метров 36-метровый колодец — колодец Золотого песка. На дне — широкий меандр с глиняным полом. Но меандр постепенно опускается, а уровень глины — нет, и вот перед нами узкая, шириной сантиметров 10-15, и длиной метра 3, щель самой верхней части меандра. Из нее сильно дует и вдалеке слышен шум большой воды. Раздолбить не раздолбишь, но под глиной-то меандр широкий! Здесь, если не считать глубин сифона, самая низкая точка пещеры. Временно отступаем.

Тчпок! Чп-пок! Чп-по-пок! Куски мокрой глины передаются по цепочке. Сидящий в забое — нет, в "зачпоке" — Олег Одиноков работает, как экскаватор. Он, видимо, представляет грядущие сотни метров колодцев и уже мысленно занимается их первопрохождением... Временами раздаются не чпокающие, а чавкающие звуки: это увязнувший джигит, распираясь в стены руками, поочередно вытаскивает ноги из подземной трясины.

Так мы втроем прорыли метра полтора и наткнулись на резкое сужение. Дальше, чтобы было достаточно широко, надо копать гораздо глубже. За выход не прокопаешь, а если копать несколько выходов, то яму зальет крохотным, едва различимым ручейком.

Возвращаемся, оставляя за собой "Большие Г-щи" (так написано на топосъемке на разрезе-развертке, на плане дано полное название). Подойдя к лагерю, мы нашли применение, казалось бы, абсолютно бесполезному явлению природы — водопаду в К60 — и приняли в гидрах бесплатный душ.

Вернемся однако немного назад. Вскоре после ухода Топа позвонила Татьяна и заговорила необыкновенно ласковым медоточивым голосом. Смысл ее речи сводился к тому, что вот вниз идут водолазы, и надо бы, чтобы они остановились не у нее в лагере-310, а у нас в лагере-400. Отказать даме, да еще и выдвигающей разумный предлог — от нас ближе идти к сифону — я не мог, за что потом и поплатился. (Заметим, что если мне рассказать еще, какой я хороший, добрый и умный, то я стану способен и на большие глупости.)

Поселившиеся у нас водолазы (Шура Вдовин и Володя Сочилин) явно страдали тем же синдромом Ожидания Героического Выхода, что и Топ, только в более острой форме[2]. Достаточно сказать, что им не пришло в голову взять с собой под землю кружки, ложки, миски и спальники... В результате трехместный секционный спальник лежал надо мной тем

[2] В телефонном интервью перед погружением в сифон на вопрос Татьяны о том, какие ощущения вызывает у него водопад в последнем колодце, Шура Вдовин мрачно и серьезно ответил, что он напоминает ему поток воды в унитазе. В сифон он занырнул метров на 10 и сказал, что дальше ход сужается.

местом, где не было синтепона, а был один капрон, я сам — за краем коврика. Посуду никто не мыл.

Водолазы отнырялись и ушли, но вследствие всего этого, в день, когда должна была начаться выемка, я заболел и лежал, забравшись с головой в спальник, с температурой за 39 градусов. Андрей собирал мешки, а в это же время на поверхности лил сильный дождь. Прошло часа четыре, а у нас расход воды абсолютно не изменился — жди ударный паводок.

“ — Ребята! У нас идет большая вода! Большая вода! Очень большая вода!” — раздается в телефоне голос Татьяны. Через несколько минут к шуму водопада в колодце стал примешиваться далекий неясный гул. Я покинул спальник и встал у входа в палатку, а Андрей, одетый в гидрокостюм, зажег фальшфейер, высветив красным мерцающим пламенем объем колодца. Гул нарастал и вдруг сверху обрушился водяной столб. Андрею даже показалось, что он видел основание этого столба... Струя воды из-за увеличившейся скорости сместилась метра на три дальше в колодец и на нижних 10-15 метрах пришлась точно на навеску, а все дно колодца заполнилось водяной пылью и брызгами. Кричи, не кричи — все равно ничего не услышишь. Красиво... Но без гидры моментально промокаешь. Пришлось возвратиться в палатку и залезть в спальник.

Несмотря на паводок, стали поднимать мешки со снаряжением. Олег тащит, Андрей цепляет. Две команды: “Вира” — Олегу и искать под потоком скинутую веревку — Андрею, передаются по цепочке: Олег — Татьяна в меандре над колодцем — телефонный провод — я в спальнике — Андрей (когда он подходит и заглядывает внутрь палатки — только тогда можно докричаться).

С утра я и Андрей чувствуем желудочное недомогание. Андрей долго и тщательно моет котелок, а затем варит немного жиденького геркулеса — это именно та пища, которая нужна джентельменам для выемки. У меня температуры нет, но чувствую себя очень слабым. Сворачиваем лагерь.

Поднимаюсь по тросу 4 шага, пару минут отдыхаю, поднимаюсь дальше. Под конец разошелся — целых 10 шагов без отдыха. Оказавшись наверху шестидесятки, начинаю переделывать навеску так, чтобы было удобно поднимать мешки противовесом, и роняю вниз веревку. Андрей внизу невозмутим — так как по звуку он понимает, что это не я упал (я бы падал громче) — то не спеша одевается, загидривается, находит веревку под водопадом и цепляет ее к тросу. Поднимаю противовесом мешки.

В процессе подъема по колодцу у Андрея вдруг стали разгибаться скобы обоих самохватов. Надо сказать, что еще с утра я почему-то (наверное, послушав свой внутренний голос) посоветовал ему при подъеме прицепить к себе молоток. Раскачиваясь в пустоте рядом со струей, Андрей подлетает на короткий миг к стене, тюкает молотком по зажиму, и снова улетает...

После шестидесятки выемка пошла как по маслу. Разьве что через пару колодцев Андрей недоуменно смотрит на все еще висящий на нем бесполезный предмет — молоток, который за все цепляется, и убирает его в мешок. Дотащили мешки до отметки 200 метров, взяли с собой личные вещи и пошли наверх.

Как хорошо спать на навеске — висишь на нижней обвязке, слегка опираясь на ноги в стременах, руки обхватывают уходящую вверх веревку. Висишь и дремлешь, покачиваясь в черной пустоте...

У входа разгорелся спор, что освещает горы: луна или рассвет. Пока спорили, стало совсем светло.

Днем братья Одиноковы, Андрей Игнатенко и Оля Сусова вслед за большинством ушли к морю, я их проводил до Решавы — после подземного житья всегда хочется погулять. Нас осталось семеро.

Из построенного в подземном лагере плана было видно, что вся пещера (кроме хода к сифону) идет по одной трещине, отклоняясь от идеальной прямой не более, чем на 10 метров. Ход же, идущий из Промежуточного зала, отклоняется на целых 20!

На довыемку я поставил свежий блок, и у меня перегорели 3 лампочки подряд. Осталась последняя. Дошли до Промежуточного зала, я подумал, что все-таки запсвет (свечка с зажигалкой) у меня есть, и пошел смотреть ход. Осмотрел местность, снес мешавший ста-

лагмит и прошел по меандру еще метров 40 до уступа. Пещера идет, только вот скоро пора улетать.

Пришлось делать ночной выход. Пошли вдвоем с Татьяной, взяв с собой, как вскоре выяснилось, слишком много веревки. Дойдя до развилки, выбрали нижний ход[3]. А зря — он оказался слишком узким, и я не пролез в шкурник над колодцем (в него позже спустился Сережа Маслов и обнаружил следующую узость).

Пока мы с Татьяной Немченко лазили, прибыла следующая экспедиция, руководимая Юрой Косоруковым. Снова стало многолюдно. Стоило мне стянуть с одной ноги гидру, и меня укусила Ася — крохотная собачка Татьяны Рейснер. За что — не знаю. Вечером последовала дискуссия о достоинствах техники трос-веревка и SRT. Я защищал и превозносил технику, уходящую в прошлое. Однако не нашелся, что ответить на утверждение Татьяны Рейснер о том, что “лягушкой” по SRT могут ходить даже беременные женщины[4].

Прохожу мимо Биде. Кто-то[5] из косоруковских мужиков моет ноги прямо на берегу! А мы оттуда пьем...

Вертолет прилетел, когда мы заваривали кофе. Пили его уже на Хипсте, на площадке поблизости от входа в пещеру Меженного.

октябрь 1996 г.

---

[3] По верхнему ходу потом прошли словаки, работавшие в составе экспедиции Юры Косорукова. Закончился он под самой поверхностью большим залом, в котором был найден чехол от ножа. Как он туда попал — загадка, так как на поверхности над этим залом никаких входов не нашли.

[4] Как я впоследствии понял на основании практических наблюдений, главное отличие техники SRT от просто хорошо повешенной веревки — это то, что крючья для перестежек бьются не рядом с полками, а в их края. Я долго пытался выяснить, в какой книжке написано о такой необходимости. Летом же этого года наконец узнал правду — на полочке удобно раскладывать инструменты тому, кто бьет спит.

[5] А.Бизюкин утверждает, что ноги в Биде мыл не “кто-то”, а будущий Лидер — А.Шумейко.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Игорь Петрущенков

Какой нас черт сюда занес?
У нас, наверно, с головой не все в порядке.
Над головой десяток гроз,
Снаружи жуть, водохранилище в палатке.
Но обещал старик абхаз, что будет солнечно,
Что небо будет чистым...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

Нас с ног сбивают сквозняки,
В коленях дрожь, в руках не стало больше силы.
В камнях жиреют слизняки,
А по хребтам уныло бродят крокодилы.
Сожрать бы что-нибудь сейчас —
Поет желудок соловьиным пересвистом...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

Зато мы так оснащены,
Что позавидуют японцы в Гималаях:
Есть у начальника штаны
И даже рация — нас это окрыляет!
Вот время выхода на связь,
И снова "Лагерь, я пещера" — Да заткнись ты!
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

У нас не женщины — мечта,
Порою хочется ругаться, как сапожник.
Они летают даже там,
Где и упасть принципиально невозможно.
Вяжите, братцы, полиспаст,
Они идут, как в ссылку жены декабристов...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

Последний выход в "Крокодил" —
Неровен час, еще пролезут, обормоты.
А я рюкзак уже сложил,
А Паша снова про леса да про охоту.
Рыть землю — это не для нас,
А "Крокодил" — не остров графа Монте-Кристо...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

Позатыкали все и всех,
Сожрали модули, надежды сдуло ветром.
ЧК17 — просто смех,

А где-то Лацисы штурмуют 30 метров.
Пора смываться, пробил час —
Неужто мы и в самом деле мазохисты...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

В кроссовках фирмы Адидас,
В кромешной мгле, как будто вражеский лазутчик
Не разбирая, прямо в грязь,
Куда, скажите, вы торопитесь, Поручик?
В канистре, видимо, не квас,
И не бензин — у вас походка фигуриста...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

Конец спектакля. Гаснет свет.
Окончен бал, звучат последние аккорды.
Перевалить бы парапет
И в гальку теплую уткнуться сытой мордой.
Чуть приоткрылся мутный глаз,
Рука привычным жестом тянется к канистре...
Ах, этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

1985 г.

«АХ, ЭТОТ ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ»
ИСТОРИЯ ИЗ ПЕСНИ

Яна Малаховская

Что нужно, чтобы история была написана? «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно.»Если историю рассказывают, значит, это кому-то должно быть интересно. Во всяком случае, мы вошли в песню. Песню вполне можно считать народной, поскольку автор, И. Петрущенков, сам ее давно забыл, а народ помнит и поет.

Итак, история из песни.

Начало. Июль - август 1985 года.

У секции в очередной раз встала задача поиска новой, светлой перспективы.

Снежную сменила Меженного, Меженного — Алексинского, которая тоже вроде бы завершилась. Требовался Новый Объект. Новый Объект искали в Новом Районе: им стала территория между вершинами Дзышра (2623 метров) и Кванша (2637 метров), площадью 6 километров с запада на восток на 3 километра с севера на юг, к северо-западу от Хипстинского массива и к запад-юго-западу от вершины Остренькая.

Этот район не был "необитаемым островом". Забредали сюда поисковые экспедиции и раньше, а летом 1984 года под мудрым руководством Коли Чеботарева отыскалась перспективная пещера "Крокодил" - "Сам он крокодил после этого" — говорили зануды. Все силы секции собрались в июле-августе 1985 года между Дзышрой и Кваншой. Гвоздем программы, естественно, был Крокодил — но это для заслуженных, а для молодежи — поиск, поиск и еще раз поиск!

Экспедиций было несколько. Одной такой маленькой экспедицией командовал Леша Лацис. Бюро секции выдало карту и обозначило район поиска конкретно — простым карандашом. Участники — в основном молодежь: в активе 1-2 выезда ,а на Кавказе летом первый раз.

Я в тот год закончила Геологический факультет Университета, распределилась и выехала на полевые работы, но потом, грубо нарушив трудовое законодательство, оказалась в Дурипше, где и воссоединилась с экпедицией, руководимой Лешей.

Народу собралась тьма. И вся эта «тьма» шла вместе, чтобы не заблудиться. Дорога длинная, с большой "горизонтальной частью" вдоль Хипсты - один ходовой день, подъем до границы леса - еще один ходовой день. Последняя общая стоянка — на берегу ручья, стекающего с Дурипшского перевала — одного из верхних притоков Хипсты, где было последний раз показано пальцем: "Лацис! Тебе — вон туда!" И мы, сориентировав карту, уже совершенно самостоятельно полезли вверх по крутому, заросшему противными, почти в рост человека, колючками, склону. Вылезли, осмотрелись, поставили лагерь и зажили своей жизнью. Как это в песне поется: "...снова мальчики рвутся в поиск". Мальчики рвались в поиск и девочки тоже рвались. Вот только крючьев у нас не было. Юноша, которому они были поручены, взял именно крючья и даже ушки к ним, а гвозди почему-то забыл. И оказалось у поисковой экспедиции всего 3 шлямбурных крюка, захваченные Лацисом "на всякий случай". Их страшно берегли. В результате использовали всего один. Фраза "мы там чуть крюк не забили" на вечернем отчете о трудовом дне обозначала полную маразматичность ситуации, а также леность и недомыслие ее участников, которые, правда, потом исправились и нашли естественную альтернативу.

В результате образовались: "Колодец Проходчиков №2", "Колодец четырех дураков", "Колодец трех дураков и двух дур" и прочее и прочее. Стандартная ситуация: если дует, то не летит, если летит, то не дует, а потом уже и не дует, и не летит - и так примерно 2 недели с краткими перерывами на еду, сон, дождь и туман. Потом начались дембельские настроения: "Море ждет, а мы совсем не там", "Ребята, в городе кофе с мороженым и стынут шашлыки..."

В результате все мало-мальские объекты (глубже 10 метров) были подписаны нитрокраской и нанесены на карту. Потом кто-то вспомнил, что "вон там, на горе, есть еще дырка". Пошли привязывать. Ексель-моксель - да это же пещера. Входной колодец - примерно 20 метров. Потом крутонаклонная осыпь... Да что же раньше-то не сказали? - А идти далеко... Действительно, идти далеко, и неприятно к тому же. Сначала круто вверх, а потом еще круче вниз. Очко расположено так, что сверху крутой склон, а внизу обрыв. Наверное, долететь можно прямо до ручья. До него, кстати, метров 400, так что светлая перспектива налицо.

Отход отложили. Всю веревку уже отдали в Крокодил, но 2 "сотки" (рапель и страховку) выговорили еще на день. И мы с Лацисом пошли смотреть.

Входной колодец начинается очком метр на полтора, потом уступ, потом вываливаешься в бутылку. Дно - верх глыбового завала - очень живописное: глины почти нет, нога человека не ступала. Глыбы известняка - белоснежные, иногда немного в желтизну, местами украшенные натеками и в блестящих капельках воды.

Вниз идет масса щелей разного калибра и один крутонаклонный ход, засыпанный мелкой щебенкой (галерея). А вот и продолжение колодца - под завалом. Снуем по щелям туда-сюда. Веревка одна, резать нельзя. Но терпение и труд, как известно, все перетрут - пропихнули - висит без потерь. Сами обходим пробку сбоку и спускаемся еще на 15 метров. Опять завал. Ползаем, ползаем и все без толку. Когда я совсем уже было отчаялась, Леша поднялся вверх метра на 4, ушел по щели вбок, и там оказался здоровый пролом в стене. Запараллеливаем рапель за расклиненную глыбу, и ... вперед и вниз, а там - здоровенный колодец, идет вниз, вверх и в стороны. Бутылка 5 на 10 на 40 метров. Спускаемся на дно. Оно гладкое, в натеках .Видим очко вниз. Камни сначала катятся, потом летят. И как-то уж больно гладко и широко, чтобы соваться без веревки. Вот всегда так - конец на самом интересном месте. Пора наверх - там уже крокодильцы ждут нашу веревку, и вниз - на море, которое ждет нас.

" Это присказка : пожди,
Сказка будет впереди."

П. П. Ершов.

Продолжение. Июнь-июль 1987 года.

В эту пещеру мы решили обязательно вернуться и вернулись спустя два года - в 1987 году, хотя обстоятельства нам явно не способствовали. Точнее, обстоятельство было одно - сроки нестандартные (середина июня - середина июля). У студентов - сессия, а нестуденты, вроде бы сначала согласившись, потом почему-то «отваливались». Когда мы совсем отдохнули от мысли о продолжении, нашлось-таки двое желающих: Инна Павлова и Паша Китов, и мы решили ехать. Как говорится, "меньше народу - больше кислороду", зато пойдем в 3 ходки. Веревки взяли примерно 500 метров, чтобы особенно-то не надрываться (про технику SRT тогда уже слыхали, но не более). Справедливо рассудили, что если «проткнем» пещеру до 250-300 метров, то можно будет потом вернуться, а если заткнется - так и фиг с ней. Собирались в суете: у Паши был диплом, у меня - отчет, Леша - он всегда занят, а Инна уехала в Туапсе к дедушке еще до того, как стало точно известно, что мы все-таки едем.

Всю предыдущую зиму мы, конечно, иногда слушали сводки погоды и могли бы заметить, что на Западном Кавказе выпало как никогда много снега, но внимания на эту информацию почему-то не обратили.

Вопрос, ехать или не ехать, решился. И тут оказалось, что у нас практически ничего нет. Палатки, станков, мешков, гидр, шлямбурных крючьев..., но как говорится, не имей 100 (тысяч) рублей, а имей сто друзей. В конце концов все собрали, загрузились в поезд Москва-Сухуми. Приехали в Гудауту на рубеже поздней ночи и раннего утра и "первой утренней лошадью" были в Дурипше.

План заброски разработали стратегический: сначала прем две ходки, а если пещера пойдет, спустимся за третьей. Примерно треть еды и веревки, а также гидры оставили в сарае у Мкана Хагба, и потащились с первой ходкой до Буковой поляны. Удивительная эта дорога на Буковую: туда ли идешь, обратно - всегда вверх и всегда грязно! Зато во вторую ходку ехали на тракторе. Леня - тракторист, местный поляк (мы всегда знали, что Дурипш - интернациональное село, но не предполагали, что до такой степени), будучи с бодуна и проникшись к нам сочувствием, довез до самой Хипсты. По дороге мы узнали, что вчера он бухал, но работать все равно надо, а то начальство заругает, что на Хипсте стоят геологи из Тбилиси и собираются ставить новую буровую, что вода - высокая и опять снесло мост, и что пройти через реку сможет только трактор, что сегодня вечером или завтра утром он поедет к геологам и нас подбросит, что от геологов ходит машина: в пятницу везет начальство в Тбилиси, а в начале недели возвращает обратно к месту работы. В общем, повезло нам - что и говорить. А Хипста, действительно, разлилась! Попытались сначала вброд, потом - наладить переправу из подручных средств, потом расслабились и стали ждать какой-нибудь оказии. День кончался, надо было ночевать. Как мы осуждали этих геологов! Уезжают в пятницу - приезжают во вторник, работают, вероятно, по средам и четвергам, и при этом круглый год полевые - паразиты на народной шее! А в стране - перестройка, между прочим!

Первая половина следующего дня прошла в моральных терзаниях: идти или не идти? И если идти, то куда? Через Хипсту - стремно, через Снежную - долго. Вдобавок еще уплыло масло. 2 килограмма топленого масла, упакованные в два молочных пакета, поставленные в реку для охлаждения, уплыли. Но через некоторое время один вернулся, побитый, покореженный, но все масло цело. Единственно, всю дорогу до снега приходилось потом принимать меры, чтобы оно не таяло. Мы еще ждали второго пакета, но тщетно.

После обеда, не выдержав, пошли было в Дурипш искать знакомый трактор, но, не пройдя и 300 метров, встретили "Урал" с геологами, который довез нас до буровой. Геологи сказали, что они ударники, что работают не щадя себя и каждый день поэтому ездят в Дурипш, так что мы можем на них рассчитывать как на родных...

Хорошо плыть на "Урале" через Хипсту в паводок, но страшно. Грузовик качается, как утлый челн в бушующем море, и у борта закипает волна, то у левого, то у правого, особенно неприятно, когда у заднего... Эх, скорей бы берег, пока не перевернулись... Но на берегу почему-то снова и снова начиналась Хипста. Наконец, причалили у буровой. С радостным лаем выбежали навстречу собаки, они прыгали, виляли хвостами, словно понимая, что нам только что пришлось претерпеть. Люди тоже радовались в ответ, а геологический начальник сулил собакам макарон. День, однако перевалил за половину, и мы, быстренько похватав вещички, побежали к броду, чтобы встать там на ночь.

...О, этот влажный, душный субтропический лес! Яркие, пахучие цветы, огромные папоротники. Буки кронами заслоняют небо. Валяются громадные обомшелые бревна - не всякое перелезешь. В западинах покоятся лужи жидкой грязи. Тучи комаров не дают остановиться, так что бежим быстро. А вот и Брод. То есть если это брод, то только для слона. Ставший уже обыденным ревущий поток тащит камни. Хорошо, что сохранился мост. Раньше он висел высоко над водой, поэтому сейчас вода только слегка заплескивает на бревна. Кош за последние два года явно благоустроился. К традиционному настилу добавились бревенчатые стены и металлическая крыша. Но над дверью - табличка, где на черном фоне серебряными буквами указаны имя и годы жизни. Нет - решили мы. В могиле жить не будем, даже несмотря на дождь. Инна осталась с вещами, а остальные побежали за второй ходкой. Вернувшись, мы увидели, что дверь в "могилу" приоткрыта и из нее валит дым. Инна палила там костер! Нет, все-таки это оказался кош, с нарами, столом, кострищем. Под потолком висят спички, запасы крупы в мешочке, на столе - миски, кружки. Да, это - явно жилье, и вот такой памятник человеку.

Ну что же, кончился второй день - ночуем со всем барахлом на броде, пока все идет неплохо. Если не считать того, что за нами увязались "геологические собаки", те самые, что приветствовали нас на буровой. Мы даже сначала не обратили на них внимания, но ночью разразилась гроза и они поперли в кош прямо на нары - пришлось их выгнать. Утром проглянуло солнышко. Когда завтракали, собаки сели у костра, прижавшись друг к другу, и глядели, как мы едим, большими карими глазами. Выдержать этот печальный, почти человеческий взгляд невозможно - кинули им сухариков, вымыли миски и слили воду в старую консервную банку. Это окончательно решило нашу судьбу. Правда, потом Инна разглядела на плече у суки лишай. Собачки, конечно, симпатичные: гладкошерстные, выдержанные в желто-коричневых тонах, явно породистые, но не для того мы тащим две ходки, чтобы их кормить, и лишай их вовсе нам ни к чему. Решаем: собак больше не кормим - пусть возвращаются к своим геологам. Все, пора наверх. Наша задача на сегодня - забросить первую ходку к границе леса, а если получится - то к кошу на ручье. Тропу нашли быстро, потом потеряли, потом снова нашли. Потом оказалось, что собаки знают дорогу, и даже пытаются нас направлять - лают, если идем не туда. Вот бестолковые животные, чем воздух сотрясать, лучше бы сами показали дорогу. Постепенно понимаем: чтобы не терять тропу, надо соблюдать два правила:

1). Идти, куда хочется, а куда не хочется - не идти,

2). Если никуда не хочется - бросать рюкзак и искать дорогу.

Погода испортилась - пасмурно, накатил туман, потом пошел небольшой снежок, потом повалил хлопьями. Земля пропала под снегом. Только кое-где торчат отдельные камни. И это в конце июня! О том, что время года летнее, свидетельстволвали только листья на деревьях. Полный сюрр: из сплошного снежного наста торчат деревья с крупными бледно-зелеными листьями. И метель. Никакой тропы, естественно, не было, и шли мы туда, где деревья реже. Лес кончился. Смотрим - место незнакомое: снег, камни, тропы нет. Расстроились ужасно, но тут туман ненадолго рассеялся и мы довольно быстро нашли тропу. Окрыленные, даже пробежались по ней немного, бросили мешки и пошли назад, в кош.

Назавтра встали пораньше - часов в 11, и по своим следам - наверх. Собаки с нами, хоть мы их больше не кормим, а лишь гоняем. Когда миновали границу леса, выглянуло солнце, рассосался туман, и мы увидели окрестные горы. Да, "лучше гор могут быть только горы" - это всем известно. И все-таки: снежные вершины, озаренные солнцем, под ярко-синим небом, и там где-то под ногами - облака - просто возвышаешься в собственных глазах.

Леша, Паша и я здесь уже были, а вот Инна первый раз в горах. После сырого, темного и мрачного леса, где час - за два, начинается всеобщий приступ телячьего восторга. Однако, надо сегодня встать на ручье у коша. Снегу очень много, но тропа видна, и очень много свежих оползней и трещин бокового отпора - предвестников оползней. Когда это все поползет, поедет, повалится вниз? Хочется думать, что не в ближайшие 10 минут. Идем аккуратно, стараемся обходить трещины выше по склону. На наших глазах валится противоположный склон. А тут еще Лишайники (так мы назвали собак) подняли медведя. Он косолапо побежал от них по снежнику в сторону леса. Хоть издалека медведь кажется небольшим, нам стало слегка не по себе. "Пожалуй, собак кормить все-таки лучше, чем медведей" - в задумчивости проговорил Леша, - и веско добавил: "Все, собак кормим!".

Дошли до ручья, а ручья - нет. Русло засыпано снегом. Помнится, лежала в русле глыба высотой метра 4, под ней стоял косоруковский лагерь, а на ней молодежь упражнялась в скалолазании - так эту глыбу даже не видно!

Снег, камни, собаки, медведи и мы вчетвером. И цветущие рододендроны. Внизу-то они уже отцвели, а здесь кусты усыпаны прекрасными сиреневыми и бледно-желтыми цветами.

Перешли ручей, нашли кош. Он был разобран на зиму и засыпан снегом, но дерьмо вокруг уже начало активно вытаивать, так что ошибиться невозможно. Выше по склону нашли свободное от снега место для палатки. Завтра идем смотреть пещеру.

Ночью поднялся сильный ветер - сняли с палатки полиэтилен, чтобы не мешал спать, а потом собаки начали ломиться в палатку. Не пускать их пришлось сапогом по морде. Утром встали поздно, утомленные борьбой со стихией, и пошли искать пещеру. Взяли всю веревку - все равно тащить. Подъем практически все время по снегу. Круто, скользко. Ледоруба, естественно, нет, ботинок тоже ни у кого нет - идем в сапогах. На более крутых участках снег уже сошел, но трава еще не поднялась, так что идти хуже, чем по снегу. Движемся медленно и печально - лететь вниз далеко и как-то неохота.

Наконец миновали склон и вышли на уровень лагеря позапрошлого лета - там вообще нет голой земли, один снег!

Подошли к горе с пещерой. Нет худа без добра - на особо крутых участках склона снег растаял давно и трава уже поднялась. Последний рывок вверх, теперь - вниз по противоположному склону. Это все-таки каким же надо быть энтузиастом, чтобы искать в таком месте! Не сразу, но пещеру нашли, благо подписана. И до самого входа шел за нами Лишайник. Вероятно, он чувствовал себя полноправным членом экспедиции. Если бы камни еще при этом не ронял! Лишайница осталась в лагере - у нее, похоже, насморк. Она шмыгает носом и чихает. Ах, эти проклятые снежники! Иногда, оказывается, они протаивают изнутри так, что сверху остается перемычка 20-30 сантиметров, а под ней - пустота. Особенно хорошо протаивает над всякими щелями и колодцами. Убиться - не убьешься, но что-нибудь сломаешь. Но вниз - не вверх. Когда доехали до лагеря, появилось чувство уверенности, что вроде мы уже адаптировались к этому странному летнему снегу.

Как быстро освобождается от снега земля! Там, где еще утром лежал плотный снег, к вечеру уже вылезли подснежники. Эти цветочки прут прямо через снег, и очевидно, что снегу этому осталось уже недолго.

Светлое время употребили на благоустройство лагеря: принесли жердей с коша, укрепили тент и даже построили конуру собакам, чтобы не лезли в палатку. Каркас из жердей накрыли рубероидом - здорово получилось, сами бы жили - жаль мала! Но лишайники новое жилище почему-то игнорировали. Пришлось их туда заманивать сухарями. Не сразу, но сработало: когда задул вечерний бриз, Лишайница залезла в конуру, а Лишайник провел ночь, привалившись к палатке снаружи.

Вечером, залезши в спальники, стали считать: 2 часа до пещеры, 2 обратно. 2 + 2 = 4 - многовато, пожалуй, для такой снежно-ледовой обстановки. На следующий день перетащили лагерь. Место долго искали, чтобы можно было поставить палатку не на снегу, наконец нашли прямо под горой с пещерой. С зеленой травкой и цветочками. Рядом из снежника течет ручей. Собаки с нами. Каково-то им будет! Но, в крайнем случае, уйдут - тоже неплохо.

Ну все, свершилось - завтра начинаем работать в пещере. Работать решили двумя двойками: Леша с Инной и я с Пашей, через день. Ночные выходы - на фиг. Контрольный срок по заходу солнца за гору, примерно 19.30 московского времени. Так сложилось, что у нас на весь коллектив были всего одни часы, которые отдавались под землю.

В первый выход идут Леша и Инна, мы их провожаем, помогаем дотащить вещи. Пока они одеваются на вершине горы перед спуском к пещере, любуемся панорамой. Прекрасный вид: долина ручья, Дурипшский перевал, Турецкая Шапка, Карровое плато и дальше какие-то хребты, долины, вершины, названия которых мы не знаем. И ветер дальних странствий кружит голову, и душа разворачивается на ветру, как "парус Крузенштерна"...

Ребята начинают спуск, а мы возвращаемся в лагерь. Готовимся к завтрашнему выходу - пьем чай с халвой. Однако время уже близится к 19.30, и мы начинаем одеваться. Ну вот, Инна уже кричит с горы. Все нормально. Ставим примус.

Опять - ночь кошмаров. Опять собаки, не выдержав суровой летней зимы, прут в палатку. Мы были сонные и сопротивлялись вяло. Поэтому победа обернулась поражением. Лишайники довольно быстро нашли себе грот в скале, но наши вещи, спальники и даже потолок палатки - все было в заразной собачьей шерсти. Голову преклонить некуда! Стали вытряхиваться, а тут еще дождь пошел. В общем, встали поздно, сами злые, как собаки. Вот ведь навязались на нашу голову! Все, решили, больше мы их не кормим - пусть убираются к чертовой матери! Инна схватила топор и начала гоняться за Лишайниками, швыряя в них камнями. Впрочем, камнями кидались все. Собаки, видимо, осознав серьезность ситуации, убежали и до вечера не показывались. В пещеру в тот день никто не пошел. Пока пытались просушить и продезинфицировать вещи, то и дело начинался дождь. Решили не суетиться - лучше завтра выйдем пораньше. Перед закатом появились Лишайники, но вели себя скромно, к палатке не подходили, крутились в дальнем углу лагерного холма. За ужином кинули им пару сухариков. Но ночевали они теперь в гроте.

Дождались и мы с Пашей своего часа. Погода благоприятствовала. Леша пошел нас провожать, а заодно и дотащил большую часть барахла, чтобы мы не утомились раньше времени. Я спускаюсь первая, Паша за мной. Подходим к 40-метровому колодцу. Паша бьет крючья, я делю "сотку" пополам, собираю концы кольцами. Спускаемся. Свершилось - вот эта дырка, перед которой мы с Лешей остановились 2 года назад. Пока спускается Паша, чищу вход в колодец. Вешаем "75", беру "20" на довес, и - "с Богом!". Протискиваюсь через входное очко, оно широкое, но "острое", и вываливаюсь в тоннель. С ума сойти - прямо метро какое-то! Доезжаю до уступа. На нем лежат обе веревки и, наверное, все камни, скинутые сверху. Все сначала: распутываю веревки, чищу уступ, спускаюсь - снова уступ, процедура повторяется. Впрочем, веревки осталось еще метров 5. Въезжаю в узел. Дно видно, до него еще метров 10. В дальнем конце дырка. Продолжение настолько очевидно, что решаю не спускаться. Время наше кончается - пора наверх. Пещера прет - завтра утром идем в Дурипш за веревкой.

На другой день встали пораньше, свернули лагерь и с одним легким рюкзаком побежали вниз. Лишайники сперва было остались с вещами, но, когда поняли, что мы уходим, догнали нас. Интересно было наблюдать за ними в лесу: они бегали по кустам, рыли землю, вынюхивали что-то - охотились. Очевидно, что они и наверху как-то поддерживали себя свежатинкой. На нескольких горелых сухариках в день - особо-то не протянешь! И по тембру собачьего голоса можно было прикинуть, к кому он обращен. Нежный и тонкий писк - наверное, мышку ловят, пониже какой-нибудь зверек, может быть, хорек или еж. А хриплое грозное рычание заставляло невольно вздрогнуть и задуматься.

На буровую спустились к середине дня. Машины не было. Вот тебе и раз! Инна, Паша и я сели на бережку, дабы опустить в Хипсту натруженные ноги, а Леша пошел выяснять обстановку. Машина сегодня ожидается, сообщил он, - а пока нас приглашают поесть. О! Это - всегда пожалуйста! И мы двинулись к вагончику, из которого маленький, морщинистый, седой старикашка выносил хлеб и консервные банки. Ну и повеселились же мы! Особенно все одобрили ткемалевый компот. Машины, оказалось, нет уже неделю. Не пришла она и в этот день. Мы ели, спали, мылись и общались с дедом Эдиком, который явно соскучился по человеческому обществу. Больше никого на буровой не было. "Эдик" - это он сам

нам так представился. Работяги на буровой, как потом оказалось, называют друг друга по именам независимо от возраста. Дед Эдик - старый таежник, бульдозерист и мотогонщик в молодости, работал на буровой по совместительству сторожем.

На ночь мы устроились в пустом вагончике, а часов в 6 утра были разбужены громким "добрым утром". Это местный абхаз искал своего быка. Быстрее всех очухался Леша и объяснил, зевая, что быка не видели, но вчера вечером мимо проходила маленькая корова. "Это биль мой бик!!!" - закричал с обидой абхаз, - "Большой бик!!! Мой бик - сукин сын!!!" Оказалось, бык стоит 1500 рублей, и поэтому хозяин очень переживает - куда это он делся. Когда мы окончательно проснулись и сели завтракать, наш знакомый уже возвращался (он был на лошади), гоня перед собой быка. За ночь бык дошел почти до границы леса и там мирно пасся на полянке. Хозяин его был доволен весьма, в связи с чем они с дедом Эдиком выпили спирта, а мы отказались, соблюдая спортивный режим. Дед Эдик объяснил про "наших" собак. Собаки - совсем молодые, пятимесячные щенки, принадлежат они рабочему, нанятому в Дурипше. А ходить в горы - это у них хобби такое. Они сопровождают всех, кто идет наверх, а поскольку тропа одна, то знают ее очень хорошо. Сегодня утром они сбегали наверх со скотовладельцем и помогли ему пригнать быка.

За столом пошел разговор про мост - оказалось, что мост через Хипсту всегда ставят геологи, поскольку колхоз для такого дела трактор выделить не может. Абхаз просил деда Эдика поговорить с начальником, сулил большие деньги. Он стал перечислять фамилии, готовых заплатить, получилось что-то около тысячи рублей, "только чтобы пешком можно было ездить". Тут мы поняли, что хватит ждать милости от природы, тем более, что за те 10 дней, что мы были в горах, вода основательно спала. Дед Эдик подарил доску длиной метра 4, и ребята довольно быстро наладили переправу, привязав ее к остаткам старого моста. Налегке, на четвереньках, вымочив ноги, пройти можно было вполне. В Дурипше Паша и Инна остались на дороге караулить геологическую машину, а мы с Лешей пошли за вещами. Прошли ,наверное, метров 30 - навстречу человек. Не с гор ли мы спустились? Начинаем скороговоркой отвечать: "Да, из Москвы... спелеологи... нет, не в Снежную... да, глубокая... снега много...". И вдруг этот тип начинает на нас орать. Никак не можем понять - чего это он. Прислушались. Да это же хозяин наших Лишайников! Вот радость - то! Оказывается, мы, одержимые злым умыслом, побоялись идти в горы одни и заманили его бесценных собак, за что он на нас, так и разэтак, спустит овчарку! — Это мы специально прикармливали этих паршивых лишайников?! Чтобы они облизывали наши миски и лезли в нашу палатку со своими лишаями?! Да мы их заметили только на броде! А...! Надо было сказать геологам, чтобы они привязали собак, когда мы уходили? Да нам что, больше делать нечего?!

Стояли рядом, но на крик потянулись любопытные. Паша потом сказал, что ему показалось - еще немного, и нас начнут бить. Пообещав на прощание зарезать овчарку, мы расстались с нашим любезным собеседником. Только взяли вещи - видим, идет ”Урал". Навстречу бежит Паша. В общем, загрузились. Да, приятно смотреть, как машина месит грязь, особенно из кузова. По дороге обсудили инцидент с хозяином собак. "Дурной он, этот Сардион", - объяснили нам. "За кинжал хватался? Нет? Так это он и не рассердился вовсе." Тем временем машина проехала Буковую поляну, и начался спуск по серпантину к реке. Дорога вдруг почему-то стала очень узкой, а повороты - слишком частыми. "Ты знаешь, куда выпрыгивать в случае чего?" - строго спросил Леша. Я не знала. "Назад. Садись ближе." Нет, обратно я лучше пешком пойду!

Геологи предлагали заночевать у них, но это означало потерять день, поскольку мы не были уверены, что за день поднимемся до лагеря. Надежнее сегодня дойти до брода, да и светлого времени часа 2 еще осталось. Вдруг Лишайники, по приезде они сразу же были отловлены и привязаны, начали лаять и рваться. Их отвязали, и собаки с яростным лаем кинулись в лес, за ними пошел шофер. Оказалось, к лагерю подходил здоровенный медведь. "Ну что, пойдете?" - "Пойдем!". И мы пошли. Шли в затылок друг за другом - страшно все-таки. Никого не встретили, но до брода добежали очень быстро.

Опять этот склон, глаза бы на него не глядели! Прямо не спелеология, а тяжелая атлетика! Облака через нас гуляют туда-сюда — холодно, туман накатывает. Снег подтаял,

земля видна, но погода становится все приветливее - в том плане, что привет нам настанет, если не найдем в тумане лагеря. И вдруг неожиданно — солнце и голубое небо. Облака остались внизу - мы их проткнули. Ура! Бежим ставить лагерь, пока совсем не стемнело.

Водопровод наш к

ончился. Снежник ушел в воронку. Завтра построим бассейн - топить снег. Как здорово: продукты, посуду, снарягу - все на улицу! А сами спать будем на спине и ноги вытянем!

Следующий день - как подарок: погода замечательная. В пещеру идут Инна и Леша, а оставшиеся балдеют на солнце. Загораем, неторопливо копаемся в снаряжении, варим шоколад. Вернулись ребята. Они спустились в тот колодец, дно которого я видела с навески. Продолжение, действительно, есть. Ведет к нему крутая осыпь, там навесили перила. Навеску в следующий колодец надо делать за крючья. Это уже серьезно. Шлямбуры у нас, что называется, "умри и ляг". В Москве были взяты: новомодный распрекрасный корончатый и обычный трехгранный. Корончатый свернулся внутрь после нескольких ударов, а трехгранный пока держится, но почему-то все время сгибается, и его приходится разгибать. Крюк забить - не поле перейти!

Первым идет Паша, чтобы незамедлительно приступить к забиванию. Дно, которое сверху казалось большим и плоским, вовсе даже - крутая сыпуха, и там идет сильный дождь. Сажусь, начинаю заниматься любимым делом - ищу середину у веревки. Повесили, бросили и - вниз. Колодец - все такое же метро, глаз радуется. Метров через 20 - уступ, прокидываю веревку, спускаюсь еще метров на 15 - уступ, вижу дно. Прокидываю веревку, спускаюсь. Дно ровное, плоское и совершенно сухое. Подозрение закрадывается в мою честную душу: а что, если это конец? Впрочем, щель идет вниз, но спуститься по ней уже можно в распоре. Колодец выклинивается, как морковка. Спускается Паша, мы раздеваемся и лезем в щель. Ох, и колючая же она! А у меня вчера спина обгорела! Внизу уперлись в пробку. Нашли место, где из-под камней сильно дует (задувает свечу), и принялись копать. Хотя, пожалуй, копать - это сильно сказано, скорее ковырять, поскольку происходит это одной рукой, лежа на боку, немного вниз головой и при помощи ножа. Часа три мы меняли позы, менялись местами, пытались уйти вверх, вниз, вбок - все дохло. Однако, пора возвращаться к контрольному сроку. Может быть, ребятам завтра повезет больше, но в это слабо верится.

Вопреки тайным чаяниям, диагноз наш подтвердился. Осталась выемка и культурная программа.

У Паши был фотоаппарат со вспышкой. Надо же нам сфотографироваться под землей. Единогласно решили, что самое фотогеничное место - дно входного колодца. Полезли всем коллективом. Пашина вспышка словно взбесилась. Она то истерически пыхает, то молчит, как партизанка, и периодически улетает, но Паша ее всякий раз находит и водворяет на место. Мы группами и поодиночке сидим, стоим, лежим, висим, торчим из щели - кадров много, что-нибудь получится.

Бросаем прощальный взгляд на входное очко. "МГУ-85-6" — надо же ее как-нибудь назвать. "Собачья?" - ну уж нет, возмутился Леша, - вы еще назовите ее Лишайная! - и скривился так, будто съел что-то нехорошее. Эта пещера заслужила хорошее название. Мы молча согласились и задумались. Придумалось: "пещера Дельта-функция". Дельта-функция, это, как известно, "Ни фига, ни фига - до фига!" А здесь почти то же самое: "До фига, до фига - ни фига!".

Все, завтра уходим. Ночью начался дождь. К утру он не кончился. Само по себе это неплохо - все-таки повод поспать подольше. Часов в 11 Леша сказал твердо: "Встаем! Очищаем место под примус, готовим завтрак!" Мы сели, очистив тем самым место, сготовили завтрак, съели его, потом попили чаю, потом еще поели. А дождь все лил. Нет, уходить по такой погоде нельзя - будем ждать. Еще поели и попили. И тут всем стало почему-то очень весело и мы запели - первый раз за всю экспедицию. Вернее, запел Паша - он оказался музыкальным - а мы подтягивали по мере способностей. И было очень смешно: сильный дождь, условно накрытая палатка, полиэтилен давно унесло, спальник уже мокрый, но бензин и еда еще оставались. Целый день шел дождь, целый день мы ели, пили, травили байки и суши-

лись. Ситуация тупиковая: дождь - делать нечего - пьем чай все время - периодически очень хочется выйти. А как выйдешь на такой дождь? Можно, конечно, поменьше пить, но даже сама мысль эта показалась нам аморальной. Настоящие люди не боятся пить чай в любую погоду!

К вечеру ощутив, что еще один такой день - и я сойду с ума, предлагаю завтра уходить в любую погоду. Всю ночь шел дождь. К утру вроде приутихло. Начинаем собираться, и по мере нарастания готовности дождь ослабевает. Уходим! Пойдем в одну ходку. Нету моральных сил еще раз сюда подниматься. Рюкзаки тяжеленные. Идем очень медленно. Скользко, а потеряешь равновесие - с таким рюкзаком уже не найдешь. Дошли до ручья - не похоже, чтобы он собирался вскрываться в ближайшее время. Сколько же снега в этом году?! Медленно - медленно продвигаемся к границе леса. Первый перекур в лесу. Дождь еще слабо моросит, но уже все по фигу! Смотрим друг на друга с облегчением, произносим: "Утрахали!" Правда, пока дошли до коша, и сами в грязи повалялись, и рюкзаки поваляли от души. А на коше нас ожидал сюрприз - смыло мост. Значит, истории еще не конец - расслабляться рано. Но ничего не омрачит праздничного ужина, особенно если есть костер, если так вот запросто можно сесть, встать, лечь в тепле и сухости, не согласовывая свои действия с близлежащими товарищами! Как, на самом деле, мало надо человеку для счастья!

В коше обнаружилась двуручная пила. Утром, пока мы с Инной спали, юноши наши завалили на тот берег елку, и получился отличный мост. А погода! Небо - синее! Солнце - желтое! В Гудауте - кофе с мороженым! Заспорили - с чего начинать? Леша был за то, чтобы начать с борща в столовой, а Инна предлагала начать с мороженого и им же и кончить. Потом единогласно решили, что на месте будет видно, и прибавили шагу, чтобы быстрее увидеть...

На буровой машины не было. Неужели опоздали? Да нет, просто в результате последнего дождя Хипста поменяла русло. Такое случается раз в 7 - 8 лет. Последний раз было в 1979 году - как раз время подошло. Дорогу разметало полностью и сейчас ждут бригаду взрывников из Тбилиси - строить новую дорогу. Ох, и везет же нам!

На буровой жил наш старый знакомый - дед Эдик, и еще трое работяг. Хорошие мужики, душевные, приветливые, только ходят некоторые странно: ссутулившись, а руки — в замок за спиной, пальцами наружу. Связь с внешним миром поддерживают: завалили липу (дерево) на другой берег, а там вроде бы есть тропа. Пошли с Лешей на разведку. Действительно, отличная тропа, как в лесопарке, жаль - быстро кончилась. Метров через 200 на ней появились деревья и кусты, а потом она уперлась в непроходимо-крутой заросший склон. Интересно, кто и куда по ней ходит? "А... Медведи ходят" - это нам потом объяснил дед Эдик. Мы вышли на медвежью тропу, а есть еще человеческая, завтра нам ее покажет Толик.

Утром проснулись рано, и сразу же узнали, что дурипшские пастухи идут смотреть пастбища. И сейчас через реку тащат муллу на веревке. Ну, сами-то по липе перешли, а “мулла” по липе не может, его привязали за веревку и тянут, а с другого берега кидают в бедолагу камни, поскольку мулла упирается и не хочет идти. Заинтригованные вконец, мы побежали смотреть. Оказалось, это всего-навсего мул. Леша сразу попытался договориться об его аренде. Хозяин "муллы" - невысокого роста, худощавый, подвижный и эмоционально жестикулирующий - отказался категорически. "Зачем муллу мучить?" - и сам же ответил: "Незачем муллу мучить!".Потом спросил, сколько у нас груза - килограмм 160-170. "О! Хороший груз! Хороший, но муллу мучить незачем!".

Действительно, зачем муллу мучить - мы уж как-нибудь сами. Берем груза по 10-15 килограмм и - за Толиком. Сначала тропа вполне приличная. Внизу течет Хипста, вода в ней темно-коричневого цвета, видно, как в русле перекатываются огромные валуны - сильное зрелище. Все, дальше по склону тропа накрыта обвалом. Лезем вверх по склону, цепляясь за кусты и деревья, потом вниз, потом снова вверх - гармоническое перемещение. Собственно, тропы под ногами не видно - идем по деревьям. Крутой склон густо зарос самшитом, и прихотливо изогнутые стволы образуют отличные зацепки для рук и ног. Идти, пожалуй, даже удобно, но как-то необычно, поскольку передвигаемся в основном при помощи рук, а станок очень мешает. Длиной этот "обезьянник" всего 700-800 метров, но шли мы его около

двух часов. Бедный "мулла"! Каково бы ему было! Но мула, оказывается, вели другой тропой. Она шире, и вся заросла лавровишней — человеку очень скользко, а мулу — ничего, у него же 4 ноги.

Да, эпопея наша, пожалуй, все-таки близится к концу — медленно, но верно приближаемся мы к Дурипшу. Наверное, сознавая это, мы опять расслабились и понесли за это моральный урон.

На обратном пути через обезьянник Паша и Инна ушли вперед, а мы с Лешей почему-то начали вспоминать, кто, когда, как и в чем был неправ в своей жизни. Увлекшись, сошли с тропы. Тропа была промаркирована в обе стороны зарубками, так, чтобы с каждой предыдущей было видно последующую, но на светло-серых самшитовых стволах белые зарубки не очень-то бросаются в глаза, особенно в сумерках. Кричать - бесполезно. Внизу так ревет Хипста, что мы друг друга-то слышим с трудом.

Попытались напролом - не вышло. Стали возвращаться по своим следам. Возвращались около часа, хотя, как потом поняли, отошли от "тропы" метров на 20. Теперь-то уж мы были начеку. Продолжая вяло переругиваться, зорко следили за марками. В сомнительных местах мгновенно переключались друг с друга на поиск зарубок. По-настоящему же испугались, когда, выйдя из "обезьянника", не увидели ребят. А что, если они тоже заблудились? Как мы их здесь будем искать, в темноте, да при нулевой слышимости? А вдруг на них напал медведь?

Но Паша и Инна оказались на буровой, и даже сварили ужин к нашему приходу. "Вы неправы, ребята!" — укоризненно заметил Леша. "Да," — сказал Паша, немного помолчав, — "мы были неправы."

Геркулес без молока и сахара, в принципе, не так уж и плох, но изнуренному морально и физически Лацису этого показалось мало. Он встал, выдержал паузу, чтобы на него все посмотрели, простер руку, как памятник Ленину: "Граждане! Разрешите Вашим супом попользоваться!". "Конечно" — ответили геологи, — "кушайте на здоровье".

На следующий день к вечеру мы были уже в Дурипше со всеми вещами... и Лишайниками. Заметили их, еще переправляясь по липе через Хипсту. "На фиг! На фиг! На фиг!" — закричали мы, и стали кидаться камнями. Но собаки продолжали красться за нами по кустам. И за что они нас так полюбили? Подходя уже окончательно к Дурипшу, решили: все, больше на Лишайников не реагируем. Не обязаны мы знать всех местных собак в лицо. Может, они решили навестить своего Сардиона!

На автобус в этот день не успели, пришлось заночевать в сарае у Мкана. Ночью опять приходила Лишайница. Как раз начался дождь — надо было встать и затащить вещи под крышу. Тут мы увидели, как она рванула из сарая в кусты. Странная псина! “— Да просто взбалмошная дуреха, такая же, как многие женщины“ — любезно объяснил Леша.

Больше мы их не видели.

октябрь 1996 г.

КАК КОЛЯ ЧЕБОТАРЕВ ВОДИЛ СПЕЛЕОСЕКЦИЮ МГУ НА КИЛОМЕТР

Алексей Шелепин

Правдивая история, записанная по наущению Татьяны, Андрея и Ольги.

Материя — это объективная реальность. Рассказ мой вполне реален, но материей, по-видимому, не является, а значит, не объективен.

Общеизвестный способ сделать повествование более объективным — увеличить число авторов и в окончательный вариант включить только то, что нравится им всем. Однако каждый соавтор вносит свои собственные искажения, так что после согласований и сокращений останутся одни лишь прописные истины и трактовка событий, устраивающая авторский коллектив. Читать же плоды коллективного разума типа «История КПСС» или «Основы М.-Л. философии» образца семидесятых годов затруднительно: по сравнению с «Историей ВКП(б) (краткий курс)» образца 1938 года они гораздо толще и преснее — ведь при сохранении содержания удалены наиболее пикантные места, а, как известно, вследствие кастрации тучнеют, что и произошло с упомянутыми изданиями. Но о лучших местах надо знать и сейчас. Хотя приведенный ниже отрывок из «Краткого курса» определенно страдает субъективностью, но он — своего рода произведение искусства.

«1937 год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. Судебные процессы показали, что эти подонки человеческого рода вместе с врагами народа — Троцким, Зиновьевым и Каменевым — состояли в заговоре…

Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь силе ничтожной козявки, видимо, считали себя — для потехи — хозяевами страны и воображали, что они в самом деле могут раздавать и продавать на сторону Украину, Белоруссию, Приморье.

Эти белогвардейские козявки забыли, что… господа рыковы, бухарины, зиновьевы, каменевы являются всего лишь временно состоящими на службе у государства, которое в любую минуту может выкинуть их из своих канцелярий, как ненужный хлам.

Эти ничтожные лакеи фашистов забыли, что стоит Советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы от них не осталось и следа.

Советский суд приговорил бухаринско-троцкистских извергов к расстрелу.

НКВД привел приговор в исполнение.

Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам.

Очередные же дела состояли в том, чтобы… »

Перейдем к очередным делам и мы.

1. ЗАБРОСКА

«Задним числом можно теперь считать, что неудача с вертолетом обусловила крах всей экспедиции МГУ»
/Д. Усиков, «Глазами друзей», 1978 г./

Насколько мне известно, мысль сводить спелеосекцию МГУ на километр оформилась у Коли Чеботарева в первых числах сентября 1987 года. Зимой он пришел в ЛКТ и бросил клич. С конца весны начались сборы: закупка продуктов, клейка гидромешков, упаковка 15 модулей (каждый на 7.5 человеко-дней) и т.д. и т.п. Помню: сижу с Андреем Бизюкиным

за столом на кухне у Мишеля Коротаева, рядом за швейной машинкой Света Яцишина — мы шьем 30 транспортных мешков. В общем, на сборы у меня ушло много времени и энергии.

Перед “километровой” экспедицией в пещеру Московская (970 метров глубиной) я вместе с Татьяной Немченко, Андреем Бизюкиным, Сашей Вдовиным и вскоре покинувшими нас из-за насморка супругами Шумковыми посетил Хипстинский массив. Целью нашей было прохождение пещеры Ветерок, из которой, как это следует из названия, сильно дует воздух с температурой +3.5° — с той же, что и из расположенных немного ниже Каньона (320 метров) и Самохватной (>40 метров). Все эти пещеры найдены харьковчанами и находятся примерно над концом Снежной на высоте 1100—1200 метров.

Впервые у Ветерка я побывал в мае 1987 года. Вход в него представляет собой щель. Так вот, на стене у этой щели было написано «14 м» и затем шла горизонтальная стрелка, а далее «>100 м» и стрелка, указывающая вниз. Недоумевая, зачем надо указывать эти 14 метров, надеваю комбез и ползу. За 45 минут мне удалось проползти 12 метров. Дальше надо было лезть вниз в достаточно широкое на вид очко, имеющее форму треугольника с одной из сторон, несколько выпирающей вовнутрь. Но человек не треугольный. Чуть было не заклинившись в очке, поворачиваю назад; прохождение уже знакомых 12 метров с максимально возможной скоростью заняло 15 минут.

Поездка в Ветерок ознаменовалась поисками штатного энтузиаста. Должность эта так и осталась вакантной, несмотря на время от времени повторявшиеся попытки Татьяны назначить на нее меня под предлогом того, что я самый молодой в нашем малочисленном коллективе. Ввиду отсутствия штатного энтузиаста, а также больших затрат энергии на его поиски все происходило в несколько замедленном темпе.

Не успела пройти и неделя с начала поездки, как наша тройка (Шура страдал заболеванием, в просторечии именуемым «флюс» и сидел в лагере) стояла у входа в дыру в полной готовности спуститься метров на 400. Предыдущий день был потрачен на мелкий ремонт: Татьяна в спешке перед отъездом приклеила к гидре сапог задом наперед, а из ролика моей каталки торчал обломок сверла.

Еще днем раньше мы притащили к Ветерку снаряжения на 400 метров, я поверх тренировочного костюма надел комбез и довольно быстро с помощью молотка прополз 14 метров до верха 60-метрового колодца и обратно. Значительное ускорение по сравнению с предыдущим разом я ошибочно отнес на счет повышения спелеоопыта, а не на счет почти полного отсутствия одежды. В общем, я вынес, мягко говоря, преувеличенные представления о ширине пещеры. Так что вместо спуска на 400 метров пришлось целый рабочий день разбивать шкурник под Бизюкина при его активном участии. В довершение всего Бизюкин пролез в треугольное очко вниз, выйти же обратно на свет божий он долго не мог и попросил меня встать под него в качестве точки опоры. Он уперся в меня ногами; я почувствовал то же, что и червяк, когда на него наезжает каток, и издал соответствующий звук (что-то вроде затихающего “Аэээээ...”). Выползти из-под Бизюкина я не мог — было слишком тесно, а на звук, исходящий у него из-под ног, внимание он не обращал. Когда прохождение очка успешно завершилось и я немного отошел, то решил потюкать молотком еще часок-полтора во избежание возможного повторения.

В лагере мы появились вечером к большому удивлению Шуры, ожидавшего увидеть нас никак не раньше утра.

Следующий день я, Андрей и Татьяна просидели в лагере, а Шура побежал в Гудауту лечить флюс. Вернулся он поздно вечером и сообщил, что в местной поликлинике ему посоветовали полоскать рот содой.

С утра мы вновь у входа в Ветерок. Спускаемся в 60-метровый колодец, затем в 30-метровый. На его дне осыпь, обрывающаяся над 40-метровым колодцем. Крючья над колодцем бить некуда — стенки все в глиняных прожилках и ничего не держат, камешки из них можно выковыривать пальцем. Метрах в четырех вверх по осыпи стена сравнительно прочная; там в нее вбиты харьковчанами два крюка. Если навешивать за них, то веревка будет лежать на живой осыпи и свешиваться с ее конца вниз. Брр… Ну и харьковчане!

Андрей ставит эксперимент по проверке теории, согласно которой, если долго стучать по конгломерату, то в конце концов появится известняк. Часа за полтора он выдалбли-

вает в стене нишу примерно метровой глубины. Затем забивает туда два крюка, навешивает, спускается в колодец, ходит внизу по залу и поднимается к нам. Только много позже мы узнали, что это было первопрохождение — харьковчане, оказывается, спуститься в колодец так и не решились.

Дело идет к вечеру, а послезавтра с утра в Гагру прибывают Коля Чеботарев и К°. Надо бы успеть к их прибытию. Поднимаемся на поверхность и вынимаем снаряжение (на 400 метров), затащенное в пещеру. На следующий день к наступлению темноты сбрасываемся на Буковую поляну, где встречаем Мишу Ноздрачева во главе компании отдыхающих. Встаем в пять часов и утром акклиматизационная поездка в Ветерок заканчивается на Гудаутском вокзале.

Немного опоздав на утреннюю электричку, долго ждем на куче барахла. Шура убыл на переполненном автобусе в Гагру для того, чтобы встретить прибывающих участников экспедиции в Московскую и выяснить их ближайшие намерения. Так как у экспедиции есть деньги на вертолет, то мы предполагаем, что заброска будет проведена с помощью винтокрылой машины и надеемся присоединиться к коллективу в Гагре — ведь для того, чтобы нанять вертолет, нужно время.

В Гагре нас встречает Шура и сообщает, что выгрузившиеся из поезда члены спелеосекции МГУ/ЛКТ быстро наняли два автобуса (один для мешков, другой для людей) и уехали. Автобус для людей — это я еще могу понять. Но для мешков… Если вы знакомы с дорогой (а с ней знакомы и Коля Чеботарев, и Миша Коротаев), то достаточно очевидно, что автобус не одолеет участок у Гегского водопада и мешки придется таскать по дороге (и, скорее всего, по жаре) до начала тропы наверх в несколько ходок — это день никому не нужной работы. Если решили не лететь вертолетом, то надо было нанять хотя бы грузовик. С другой стороны, если для заброски есть большая толпа с избытком энтузиазма, то почему бы не потаскать?

Нас всего четверо и тратить на дорогу больше 10—15 рублей не входит в планы, так что на поимку транспорта до слияния Геги и Юпшары у Андрея уходит часа два. Темнота застает нас минутах в 15 ходьбы от Гегского водопада. Останавливаемся у реки, а на следующий день, подойдя к началу тропы, видим разноцветные палатки. Много-много палаток и пару человек — все только что ушли в ходку наверх.

Путь заброски мне хорошо знаком: по этой тропе я проходил в 1983 и в 1986 годах, причем оба раза вниз. Тогда рядом с Московской было озеро, в которое зимой 1986/87 года сошла лавина, и теперь на месте озера лежит большой снежник. Он все же сохранил за собой наименование Озеро (конечно, с большой буквы, так как на ближайшую пару лет — это имя собственное). К радости спелеологов, сравнительно недалеко от большого Озера сохранилось маленькое озеро.

В конце июля 1986 года, спустившись со своим приятелем с хребта, я был весьма удивлен, обнаружив вместо первозданной тишины фыркающего в озере (тогда еще с маленькой буквы) мужика в плавках, который пригласил нас в гости: ниже стоял лагерь спелеологов. Поставив палатку, мы уже затемно подошли к лагерю и уселись на кухне. Через полчаса я стал подозревать, что по крайней мере пару человек я знаю. Но светить в лицо фонариком — невежливо. Еще через час, наевшись блинчиков, которые готовил некий Дима, после задавания с обоих сторон наводящих вопросов и выяснения наличия общих знакомых, в том числе Сережи Воропаева (который и привел меня в спелеологию), я наконец понял, с кем говорю — это были Андрей и Татьяна. Они узнали меня, кажется, несколько раньше. А ведь незадолго до этого я разливался перед ними соловьем о красоте здешних мест! С Татьяной, Андреем и Димой я познакомился в солнечной Мегрелии во время своей первой спелеопоездки в ноябре 1985 года.

2. НАВЕСКА

«Снаряжение было навешено лишь до…»
/Д. Усиков, «Глазами друзей»/

В течение 12—15 августа основные действующие лица этой истории (имеются в виду лица, действующие под землей) совершили акклиматизационные выходы, навесили снаряжение до галереи и затащили туда же часть мешков. 15 августа с утра в пещеру загрузился Мишель Коротаев о большим числом мешков и вспомогательной группой (которая затем вышла наверх) для их протаскивания до конца галереи, а через несколько часов вслед за ними спустились Юра Косоруков, Саша Синельщиков и Дима Китаев.

Днем 16 августа вместе с Татьяной и Андреем также загружаюсь в пещеру. Уже одев снаряжение, обнаруживаю, что у меня не горит свет — хорошее начало! Ковыряюсь минут двадцать. Правда, в течение всего последующего пребывания под землей свет вел себя вполне прилично.

В конце галереи прихватываем еще мешки и «гоним стадо» к лагерю-300, а затем спускаемся еще на два-три колодца, занимаясь навеской. Я никогда раньше не видел много воды в вертикальных дырах, так что вид ручья парой колодцев ниже лагеря-300 оказывает на меня какое-то зачаровывающе-затормаживающее действие, избавиться от которого окончательно удалось только через несколько дней, после выхода на дно. К полуночи возвращаемся в лагерь-300, а четверо ребят уходят вниз, делать навеску и починять связь до лагеря-500.

Сутки сидим в лагере, а утром восемнадцатого, так и не дождавшись известий от ушедшей группы, выходим вниз, несмотря на то, что на поверхности идет дождь. Татьяна нелестно отзывается о пещере; что же это за дыра, если работать в ней можно даже в паводок. В голосе ее при этом ясно звучит сожаление. По дороге осматриваем и прозваниваем линию.

Вот кончается двойной военно-полевой провод, проложенный при спасработах; дальше провод одинарный. На стене массивная мраморная плита, рядом фара, заполненная внутри водой, и обвязки.

Два ручья сливаются— мы у колодца Ветра. Подходим к навеске — и причина молчания лагеря-500 становится ясной. Кусок телефонного провода длиной метров 10 висит вдоль троса.

Как оказалось, Саша Синельщиков повесил провод сравнительно близко к тросу, а у шедшего последним Димы Китаева, как он только начал спускаться в колодец, погас свет. Поэтому, согласно свидетельству Миши Коротаева, ожидавшего внизу, спуск проходил необычно медленно и длился вместо пары минут полчаса. Было бы очень странно, если бы при этом провод остался целым.

В Московской почти все колодцы неглубокие, метров до 30. Колодец Ветра (48 метров) — самый большой. Какими-либо словами он не прокрикивается, но можно свистеть или орать МГУшное «ту». Внизу— холодный душ и очень сильный ветер, так что замерзаешь в момент. У нас есть только куски провода; скручиваем, спускаем — вроде достал до дна; для верности дергаем (не на уступ ли лег?) — провод обрывается метром ниже. В колодец спускается Татьяна, поднимаем обрывки провода, снова скручиваем. Наконец связь восстановлена. Андрей выуживает из потока забытый нашими товарищами модуль и мы вскоре оказываемся в лагере-500.

С ревом водопада над лагерем сливается доносящийся нечленораздельный рев в четыре глотки— мужики поют суровые песни. С особым энтузиазмом исполняется фраза «Семен Михайлович Буденный скакал на рыжем кобыле»; более ничего разобрать невозможно, по крайней мере, если находишься вне палатки.

Оставляем свои лагерные мешки и идем навешивать верхнюю часть Гремящего каскада (цепочка из нескольких колодцев от 12 до 19 метров, где навеска проходит вблизи струи). Вид потока вновь оказывает на меня тормозяще-гипнотизирующее действие. При

подходе к лагерю-500 встречаем Сашу и Мишу, идущих навешивать дальше, часов через пять выходят вниз и Юра с Димой.

Саша и Миша возвращаются утром и сообщают, что когда в процессе работы они сидели на полочке и перекуривали, мимо них, интересуясь, почему медленно навешивают, быстро-быстро промчался Юра. Сидящие на полочке джигиты усмехнулись и продолжали перекуривать — они знали, что Юра и Дима далеко не уйдут — до дна еще около 300 метров, а веревки осталось немногим более 50…

Миша также впервые (потом он будет делать это еще не раз) поведал нам душещипательную историю о лошадином копыте. Миша с Сашей несколько неканонически, если так можно выразиться, навесили последний мокрый колодец— так, что в нижней части колодца въезжаешь прямо в струю. И вот Миша въехал. При этом одновременно произошло несколько событий: у него смыло прикрепленную к каске батарейку, свет погас, Миша завис и по голове ему застучало лошадиное копыто… Миша не растерялся и стал выбрасывать вниз молоток, коловорот и другие предметы, докапываясь до лежащего на дне мешка запсвета. Благодаря присущей Мише моральной устойчивости и проявленной находчивости лошадиное копыто не смогло нанести ему сколь-нибудь ощутимого вреда, а добравшись до запсвета, Миша обнаружил, что висит в полуметре от дна. Выброшенное снаряжение затем собрали, а трос внизу был оттянут и более уже в струю никто не въезжал.

К вечеру прибыли и Юра с Димой. Начались звонки наверх с просьбой прислать недостающую веревку, на что следовал совет Коли искать имеющиеся в пещере заначки оной, так как было хорошо известно, что Е.Вайдаковым, побывавшем на дне перед нами, веревка на поверхность не выносилась, а Коле, видимо, хотелось погулять по поверхности. Кроме регулярных переговоров по поводу веревки телефон в лагере-500 использовался также доктором А.Синельщиковым с целью постановки диагноза по симптомам, сообщаемым с поверхности.

На стене у входа в палатку наших соседей висел термометр Миши, неизменно показывавший +1.3 °С. Сама палатка была по периметру выложена модулями. Один из них лежал при входе и использовался как завалинка — на нем было очень удобно сидеть. Но много позже, уже под конец пребывания в лагере-500, я темной ночью утащил завалинку и мы ее съели. В краже я так и не сознался, несмотря на настойчивые попытки обитателей палатки выяснить, куда же исчезла завалинка.

3. ФОТОВЫХОД С ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕМ

«К нам в палатку прибыл гость из Одессы»
/сообщение М. Коротаева, лагерь -500/

"Ищите заначки… Ищите заначки… Ищите заначки…"— слышится из телефона в ответ на просьбу прислать недостающую веревку. Наверху прекрасная погода и Коля использует ее для совместного с девушкой Ладой покорения высшей точки горного массива — пика Спелеологов (2757 метров).

Двадцатого в полдень Косоруков и Китаев налегке уходят наверх. Мы с Андреем фотографируем. После обеда идем в фотовыход на горизонтальный участок за лагерем-500. Нафотографировавшись, спускаемся в 30-метровую бутылку, но вместо стандартного пути влево и вниз вдоль воды идем прямо и поднимаемся на завал, а затем спускаемся по весьма камнепадному противоположному его склону. Перед нами два хода — узкий под завал, оканчивающийся тупиком, и широкий, плавно поворачивающий налево. Слезаем с уступа и оказываемся в большом зале, дальние стенки которого едва видны. Хорошо слышен шум воды. Вниз идет осыпь. Судя по всему, мы нашли обход Гремящего каскада. Но я забыл в лагере компас, а Андрей — 50-метровую веревку толщиной 8 миллиметров (других веревок в лагере нет). Так что ни спуститься по осыпи (нужна страховка), ни сделать топосъемку мы не можем. Возвращаемся на завал, проверяем связь и обсуждаем вопрос о спуске к месту исчезновения воды. Хотя я стараюсь не подавать виду, но мне очень не хочется спускаться, Анд-

рею, похоже, не очень хочется. Хочется Татьяне. Договариваемся, что если сейчас нет 8 часов вечера, то идем вниз, есть — наверх. Узнаем время — 8. 02…

На следующее утро получаем известие о том, что Коля загрузился в дыру и вновь обсуждаем вопрос о переносе лагеря вниз. Андрей в очередной раз сообщает, что на то место, где, как он помнит, можно поставить палатку, очень легко уронить камень сверху и он не хочет спать в каске, завернувшись в коврики.

Миша и Саша идут осматривать окрестности того места, где уходит вода, и возвращаются лишь вечером без особых результатов. Андрей и Татьяна поднимаются к колодцу Ветра и принимают недостающую веревку, переданную им Витей Буториным и Яном Клячманом (эта группа из лагеря-300, тоже долго получавшая указания «искать заначки», почему-то получила среди обитателей нашего лагеря наименование «группы заброски Чеботарева»), а затем для улучшения аппетита относят ее на Гремящий каскад. Так как я на аппетит не жалуюсь, то никуда не хожу.

Жизнь в лагере идет своим чередом, хотя «Семен Михайлович Буденный», исполняемый в соседней палатке двумя голосами вместо четырех, звучит гораздо тише. Если же зайти в гости и присесть на завалинку, то можно услышать воспоминания Саши о том, как, находясь в окружении душманов, он долгое время питался только сардинами в масле, (хотя сардин было очень много, но больше есть было нечего, а воду в канистрах иногда сбрасывали с вертолетов) или впечатления Миши о работе на сельскохозяйственном фронте Подмосковья в качестве командира студенческого сельхозотряда.

“Прибегает ко мне председатель колхоза” — рассказывает Миша — "и говорит: Миша, выручай, две телки в навозе тонут. Иду, смотрю — действительно, почти по шею погрузились. Накинули на рога веревки — вытянули…

Прихожу с утра на планерку, а председатель со строгим и печальным лицом сообщает, что, как только что выяснилось, телята уже третий день не кормлены…

Уже после Указа отмечали. Поэтому заехали подальше в лес на “Волге” председателя. Увязли. Послали за трактористом. Вытащил машину и, ничего не говоря, уехал на своем тракторе, как будто ему каждый день приходится пьяное начальство в лесу из болота вытаскивать…”

22 августа после полудня сверху наконец-то к нам спускаются братья Чеботаревы и Маслов с уймой мешков. Они устанавливают большую оранжевую командирскую палатку, а в нее — кастрюльку со шротом, залитым водой. На время набухания шрота гурманы удаляются вниз для ознакомления с Гремящим каскадом.

Перед выходом на дно мы пытаемся поспать (перепад высот составляет все-таки 500 метров, из них 200 метров надо навесить, да и не мешало бы осмотреть пещеру на предмет дальнейшего прохождения). Битый час лежим в темноте с закрытыми глазами. Несмотря на героические усилия, уснуть ни мне, ни Андрею не удается потому, что, во-первых, время дневное, а, во-вторых, сон был нашим основным занятием предыдущие четверо суток. Но нужно ли идти в ночной выход, перед этим не поспав? Не лучше ли поспать ночью, а выйти с утра? Тем не менее разум говорит, что выход продлится больше 20 часов и поэтому, если мы проспим эту ночь, то не будем спать следующую. Собираемся и около 9 часов вечера выходим, захватив мешок с перекусом, кухонными принадлежностями, включая бабу, и некоторым количеством снаряжения.

На Гремящем каскаде встречаем поднимающихся Маслова и Чеботаревых. Они здорово позабавились: пока Сережа Маслов пытался использовать вертикальные перила вдоль глинистой осыпающейся стенки из камней вверху сороковки (последнего мокрого колодца) именно как перила, Митя Чеботарев неподалеку самоотверженно копал завал, в который уходила вода, падающая из предыдущего колодца, не зная, что она выходит в сороковку пятнадцатью метрами ниже…

Подходим к месту неканонической навески, начинающейся вертикальными перилами. Предыдущая группа навесила для страховки восьмерку, так что мы используем перила как рапель. Спускаемся на крутонаклонную идеально ровную полку со вбитым посередине шлямбурным крюком.

Сидя на ней, медленно, но неуклонно сползаешь вниз, так что время от времени надо хвататься за карабин на крюке и подтягиваться. В торец полки, чтобы идущая вниз от упомянутого крюка веревка не перетиралась, вбит еще крюк (очевидно, как элемент новой прогрессивной техники SRT). Тем не менее веревка почти перетерлась полуметром ниже уже после нескольких прохождений. Трос внизу оттянут: иначе попадаешь прямо в струю водопада под столь красочно описанное Мишелем лошадиное копыто.

Мы рядом с ямой под языком водопада, где исчезает вода, падающая сверху. Дальше идет сухая часть пещеры. Яма глубиной метра полтора, в поперечнике 2—3 метра, находится в углу, образованном двумя сходящимися под прямым углом стенками колодца. Интересно, что бывавшие у ямы ранее (в том числе и Мишель, отважно выуживавший из нее снаряжение, выброшенное под действием лошадиного копыта) утверждали, что дно ее состоит из щебенки и мелких камней и что делать там нечего.

Тем не менее собираюсь с духом и лезу в яму. В углу между стенками лежит кусок щебенки величиной с телевизор средних размеров. Накатывает волна энтузиазма, с помощью которой откатываю этот камешек, похожий на щебенку так же, как язык водопада, под которым он лежит, на душ в ванной. Отодвигаю еще несколько камешков поменьше — и открывается проход вниз, в колодец, представляющий собой щель длиной метра четыре и максимальной шириной около метра, в которую и уходит вода. С помощью подошедшего Андрея быстро расчищаю проход. Спускаюсь в распоре на девять метров — перемычка из камней. Чтоб ей! Мои попытки разобрать перемычку к немедленному успеху не приводят, а приводят только к замерзанию рук, да и впереди у нас еще большая программа. Вылезаю.

Без приключений доходим до конца сделанной навески, после чего обнаруживаем, что взяли молоток и коловорот, но забыли шлямбурные крючья. Порядок работы следующий: навеску делают Андрей и Татьяна, спускаюсь я, затем они и все повторяется сначала. Часа в два ночи располагаемся перекусить и вздремнуть наверху пятидесятиметрового колодца (на глубине 840 метров). Здесь, безусловно, самое красивое и приятное место пещеры — широкий промытый наклонный тоннель с мирно журчащим крохотным ручейком.

Оставляем продукты с кухонными принадлежностями и продолжаем спуск. Наклонный пятидесятиметровый колодец постепенно выполаживается к низу, где просто идти скальником, поэтому за несколько метров до дна обрезаем веревку. Произведенный расчет показывает, что нам не хватает для последующих навесок и троса; лезу с молотком скальником метров на 25 вверх до появления чувства дискомфорта и обрубаю излишек троса. Самочувствие у всей тройки нельзя назвать хорошим: то ли не то съели, то ли не то выпили, то ли ночь на дворе, то ли еще что. Согласно свидетельству Татьяны двигаемся медленнее, чем при первопрохождении, хотя есть и объективная причина: тогда трос был на катушке, а теперь его надо распутывать.

И вот мы на дне. Сильно шумит появившийся ручей, однако он гораздо меньше потока в верхней части пещеры. Место мрачноватое. Видим следы лагеря Вайдакова и Травина: над ручьем растянута тросовая сетка. Ручей течет по узкой щели высотой метров 10-15, выклинивающейся кверху. Ползу вдоль ручья. Жарко. Возвращаюсь, снимаю свитера и снова ползу. Метров через тридцать сужение. Сзади ползет Татьяна и оказывает мне моральную поддержку. Тюкаю молотком по мешающему выступу; хоть порода и твердая, но за часполтора его можно срубить. Тогда я прополз бы еще метра два-три и посмотрел бы, есть ли за хорошо видимым непроходимым сужением длиной не менее метра расширение или нет. Оттуда слышен шум воды, свидетельствующий о наличии уступа в русле ручья. Потюкав немного, возвращаюсь и ползу по расширению щели в нескольких метрах над ручьем; уползаю примерно на то же расстояние, что и вдоль русла. Снова слишком узко. Подергавшись туда-сюда, опять возвращаюсь и ползу по расширению, находящемуся еще выше, однако оно выклинивается быстрее. На всю бурную деятельность уходит не более двух часов. Андрей в это время сидит под навеской и стучит молотком по стене для сугрева.

Мораль очевидна: если ваш лагерь находится за 500 метров по вертикали, …

Надеваю свитера. Лезем наверх. Впереди Татьяна, за ней Андрей, а затем и я. Наверху 50-метрового колодца встречаем Мишу и Сашу, отнюдь не торопящихся вниз.

— Иду я по пещере и вдруг вижу бабу — рассказывает Миша. В общем, сидят они рядом с нашей бабой при свете карбидки и хорошо перекусывают. Да и вышли они из лагеря утром и выспались. Андрей забирает бабу и прочие кухонные принадлежности и подъем продолжается.

На вертикальных перилах Андрей, согласно договоренности, отдает мешок, который мы поднимаем в лагерь. Мне предстоит тащить его на более коротком, но менее приятном мокром участке. Только начинаю подниматься по Гремящему каскаду, как обнаруживаю, что один из ходовых самохватов теперь разбирается на три независимых составляющих: кусочек тросика, втулка и прочее; отстегивание и пристегиванне к навеске в условиях каскада превращается в мероприятие, да еще мешается мешок. На втором от верха каскада колодце трос повешен за крюк, находящийся на ровной стене за окончанием полки, вдоль которой натянуты перила — иначе подъем проходил бы в струе. Обычно, когда доходишь до этого места, пристраховываешься, зависаешь на перилах, перекинув через них правую руку, левой отстегиваешься от троса. Но если самохват разбирается на три части, две из которых весьма мелкие, а левая рука только одна, то возникают некоторые затруднения. Короче говоря, когда я вышел на дно хорошо знакомой бутылки перед лагерем, наверху которой ждал Андрей, я обрел уверенность в собственных силах, не покинувшую меня до конца экспедиции. Нельзя сказать, что уверенности раньше вовсе не было, но это была уверенность скорее в силах тройки, в которую я входил, то есть в силах Андрея и Татьяны.

В лагере мы были около восьми вечера. Часа через три подошли и Миша с Сашей. Не доев кашу, Андрей ложится в миску носом и засыпает. Зашедший на огонек Миша хочет вынуть миску, полагая, что так ему спать неудобно, но бдительный Андрей открывает глаза, двигает миску на место и снова засыпает, опустив в нее нос.

Надо отметить, что визиты Миши и Саши к нам сильно участились. Если раньше, зовя их на чай, кто-нибудь из нас, стараясь переорать водопад, кричал что-то типа «Мишель, на связь!», то Миша выходил на связь и после переговоров шел пить чай. Теперь в ответ на слова «Мишель, на связь!» Миша через минуту появлялся с кружкой у входа в палатку. Кстати, Коля, спустившись в лагерь-500, был весьма удивлен, обнаружив, что палатки стоят в полуметре друг от друга, а не в разных концах зала, так как переговоры между их обитателями происходили исключительно по телефону.

На следующий день причина учащения визитов стала отчасти ясна. Придя к нам в очередной раз, Миша сообщил (по-видимому, желая отразить в одном слове наличие некоторого беспорядка в своем жилище), что у них в палатке поселился Срач. Отвечая на удивленно-негодующее выражение лица Татьяны, он пояснил, что некоторое время назад к ним в гости прибыл Хаим Срач, мещанин из Одессы. Гость оказался очень нахальным и, хотя с ним ведется отчаянная борьба, помаленьку выживает законных обитателей.

Несмотря на присутствие коварного гостя, законным обитателям палатки жилось неплохо. Они несколько раз на дню готовили полный примусный котелок чего-либо с мясом или, в крайнем случае, на молоке с мясом, и съедали его целиком, пока мои ответные визиты не стали регулярными. Позавтракав (поужинав и так далее) вместе о Андреем и Татьяной, я шел завтракать (ужинать и так далее) вместе с Сашей и Мишей.

4. ВЫЕМКА

«Что может случиться, то случается, что не может — случается тоже»
/2-й закон Паркинсона/

25 августа в восемь утра в лагерь приходят Чеботаревы и Маслов и сообщают, что снаряжение вынуто ими до конца сухой части. Миша и Саша идут заниматься выемкой на Гремящем каскаде. Я присоединяюсь к ним на двух условиях: покопаться в щели, в которой исчезает вода, и сделать топосъемку сухого хода, пройденного во время фотовыхода.

И вот мы внизу сорокаметрового колодца у места ухода воды; рядом лежат четыре мешка с навеской на нижнюю часть пещеры. Лезу с Мишей в щель. Копаемся там примерно

час. Несмотря на две пары перчаток (одни из них резиновые) и рукавицы, руки в процессе раскопок замерзают — работать приходится под падающим сверху потоком. Поэтому действуем попеременно, отогреваясь в углу щели, где не так льет. Когда мы с Мишей вылезли из щели, смотрю на свои руки и удивляюсь — они добела вымыты холодной водой, хотя ни перчаток, ни рукавиц в процессе работы я не снимал. Пробку в щели нельзя назвать безнадежной, но и за час-два ее не раскопать. Надо ставить рядом лагерь, благо метрах в 20 есть прекрасное место на одну-две палатки[1].

Перекусываем. После раскопок в щели под потоком Мише уже не страшно лошадиное копыто — он говорит, что отвяжет внизу трос и вылезет из колодца последним. А ведь еще пару дней назад, сидя в лагере-500, Миша предложил считать, что трос на этом колодце весь в заусеницах и изношен, а поэтому при выемке не отвязывать его внизу и оставить в пещере. Предложение прошло тогда при общем молчаливом согласии. Правда, и теперь мне не составило труда отговорить Мишу от попытки забрать изношенный трос.

Мише же не составило особого труда отговорить меня делать топосъемку, когда мы с семью мешками достигли дна тридцатиметровой бутылки ниже лагеря, хотя я честно полез на завал, от которого начинается ход. Видимо, в отношении топосъемки у него изначально был стратегический план: сначала он уговорил меня делать ее не на спуске, а после выемки на Каскадах, справедливо полагая, что после выемки убедить меня не делать глупости будет гораздо легче.

Мешки на 30-метровом колодце Саша и Миша подняли руками в два приема: 3 мешка и 4 мешка. Вот это сила! Около полуночи приходим в лагерь.

К десяти часам утра Татьяна и Андрей снимают палатку и мы втроем с 14 мешками (7 с навеской ниже лагеря-500 + 5 личных, включая лагерный и кухню) начинаем подъем на поверхность. На 24-метровом колодце ниже колодца Ветра впервые в своей практике поднимаю мешки противовесом: веревка пропускается через блок, сам зависаешь на страховочном карабине (весьма удобно сделать еще одну страховку за нижнюю обвязку и висеть именно на ней) и с помощью самохватов ногами дергаешь веревку. При тех же усилиях можно поднимать груз, раза в три больший, чем руками, то есть 3—4 мешка одновременно. Правда, тратится больше времени на перестегивание; поэтому способ лучше всего применять при глубоких колодцах (глубже 20—25 метров), большом числе мешков и системе хождения «рука-рука» (иначе трудно продергивать веревку через нижний самохват).

Андрей противовесом поднимает мешки на колодце Ветра; когда остается последняя порция мешков, веревка почему-то перестает пробрасываться в колодец, несмотря на многочисленные попытки. Андрей спускается вниз, наверх вылезает Татьяна, а за ней и Андрей одновременно с поднимаемыми мной мешками. Оставляем 7 мешков с навеской на нижнюю половину пещеры у слияния ручьев.

Подхожу к 30-метровому колодцу под лагерем-300 и вдруг в нос мне ударяет сильный запах. Но нет, это не запах озона, хорошо знакомый всем спелеологам, который ощущаешь, когда выходишь на поверхность. Дело в том, что «сказка» в лагере-300 находится в весьма неудобном месте — надо лезть над палаткой чуть ли не в распоре, пытаясь не спустить на палатку камни. Поэтому официальная «сказка» использовалась только в особо важных и ответственных случаях. А ниже лагеря, как вы уже знаете, имеется колодец, по которому еле сочится ручеек. Лезу вверх по этому колодцу, вжав голову в плечи и отплевываясь.

В лагере-300 веселая компания: Ира Горина, Лада, майор Лютиков и Андрей Лобачев. Они радостно встречают нас и кормят. Сидим (и хорошо сидим) часа два, затем Андрей и Татьяна вылезают из палатки. Еще минут через 15 Татьяне после долгих тщетных попыток с помощью куска сала удается выманить из палатки и меня. В это время нас настигают Коротаев, Маслов и Синельщиков, идущие без мешков.

На втором по счету колодце вверх от лагеря-500 Саше на голову упал камень. Упал, как утверждается, с гладкого потолка. Воистину, что может случиться, то случается, что не может — случается тоже. Посидев часок-другой под полиэтиленом, Саша несколько отошел

[1] Позднее другими группами было организовано две экспедиции с целью пройти эту щель. Успеха они не достигли. (Прим. авт.)

и поднимается по колодцам без посторонней помощи. Тем не менее вид он имеет весьма и весьма бледный.

Братья Чеботаревы остались дергать мешки на колодце Ветра. Митя, цеплявший мешки внизу, чуть не дал там дуба; вылезал он из колодца, не сняв полиэтиленовой накидки, которую надел, чтобы меньше мерзнуть, стоя на дне. Так что Коля сначала увидел поднимавшееся по колодцу нечто, похожее на привидение, и только через некоторое время догадался, в чем дело.

Мы идем наверх со своими пятью мешками. Когда я поднимаю мешки в сороковке выше шкуродера, нас догоняют отдохнувшие в лагере-300 ребята. Утром 27 августа шесть человек выходят на поверхность.

Какое небо синее! Какое солнце желтое! Какое все зеленое! Какие яркие цветы! И снежник у входа почти весь стаял! И вообще в эту дыру я больше не полезу!

Когда мы спускаемся от пещеры к лагерю, встречать нас выходят загоревшие под ярким горным солнцем девушки. Однако в лагере на поверхности почти никого не осталось. Народ в большинстве своем уехал в Москву. Вечером того же дня вместе с другими уходят Мишель Коротаев и Сережа Маслов.

А ночью пошел дождь. Проливной, долгий. Верхушки гор стали белыми от свежевыпавшего снега. Погода установилась препротивная и моя мечта сходить к маленькому озеру осталась мечтой.

Двадцать девятого августа Андрей и Татьяна уходят заказывать вертолет на первое сентября. На поверхности остаются четверо: Саша Синельщиков, все еще довольно бледный, Миша Бузинов, Ольга Сусова и я. Через час после ухода Андрея и Татьяны звонит лагерь-300 и мы узнаем, что дождь вызвал паводок, Колю, как он выразился, смыло с одного из колодцев ниже галереи (смотри вторую часть эпиграфа к настоящему параграфу) и все сидят в лагере-300. Как можно вшестером спать в лагере-300, где и втроем тесновато — загадка. В общем, в связи со сложившейся ситуацией вышедший через сутки на поверхность Митя Чеботарев побежит вниз к морю отменять вертолет на первое сентября и заказывать его на второе.

Чеботаревы и Лада должны поднять стадо мешков до галереи, а оставшаяся троица тащить их дальше; мы же должны идти навстречу последней. Однако их выход все откладывается; нам спускаться раньше нет смысла. Около десяти часов вечера договариваемся с Лобачевым, что выйдем в одиннадцать, а пока часок вздремнем. Втайне надеюсь, что проспим больше, но это не дает сделать Миша Бузинов. Он будит меня, слишком буквально восприняв понятие «часок вздремнуть».

Кстати, о птичках: если весьма вероятно, что выход будет дольше суток — идите с утра. У вас будет день, ночь и еще день для нормальной работы. Если выйти в ночь, то у вас будет еще день; работу же в следующую ночь нормальной назвать нельзя. Но я был уверен, что 24 часов хватит. Во-первых, я был в прекрасной форме, во-вторых, последнее время слишком часто видел выемку в исполнении А. Бизюкина, и, в-третьих, несмотря на глубокие познания в области материалистической диалектики, еще не прочувствовал в должной мере закон перехода количества мешков в качество.

5. МЕШКИ ИДУТ К ВЕРТОЛЕТУ ИЛИ ЭВАКУАЦИЯ

«Мешки должны иметь маленькие ножки, чтобы ходить, и глазки, чтобы их пучить»
/из разговора А. Синельщикова и И. Гориной/

Итак, проспав час, около 11 вечера выходим вчетвером из лагеря. В 2 часа пополуночи встречаем на «скалодроме» братьев Чеботаревых и Ладу с 3 мешками. После милой беседы спускаемся до места перекуса (140 метров), где оставляем перекус и Ольгу — у нее нет гидрокостюма. Не доходя немного до галереи, находим 6 мешков, оставленных Чеботаревыми. Группу, состоящую из Ирины Гориной, Андрея Лобачева и майора Лютикова встречаем в нескольких метрах от конца галереи — они нашли ниже основного прохода узкий шкурник

и почему-то пытаются протащить мешки именно через него. При нашем появлении это увлекательное занятие прерывается.

Становимся цепочкой и вшестером передаем мешки, изредка устраивая перекуры. Дым от перекура концентрируется в облако и движется вверх по галерее лишь чуть-чуть быстрее, чем мешки, так что изрядную часть времени работа идет в облаке дыма.

Наконец галерея остается позади. Поднимаюсь в колодец перед галереей и выдергиваю 11 мешков. Следом вылезает Миша Бузинов и мы вдвоем с 17 мешками (11+6, оставленных Чеботаревыми) устремляемся вверх по Кривому колодцу. Еще немного, и мы недосягаемы для преследующих нас людей и мешков. Но тут со дна колодца слышится голос Лобачева, требующий поднять 5 мешков, которые прибыли вместе с ним. Вынимая мешки из Кривого колодца, с удивлением обнаруживаю, что между 17 и 22 мешками существует большая разница. Все это время Лобачев и майор стоят внизу и мерзнут.

Восьмиметровый сухой колодец — и я вижу Ольгу.

— Согрей меня! — были первые ее слова после восьмичасового сидения в гордом одиночестве (к этому времени она приготовила и подогрела перекус). В ответ рекомендую ей в целях согревания заняться подъемом мешков и прошу Мишу цеплять мешки полегче. При его очередной попытке выдернуть из-под низа большой кучи, лежащей на краю колодца, мешок полегче, один из тех, что потяжелее, падает в Кривой колодец. Сквозь шум воды Миша пытается выяснить, не прихлопнул ли он майора, находящегося, похоже, где-то на середине колодца, а майор — не Миша ли упал. Наконец понесшее урон «стадо» собирается на месте перекуса.

Длительный перекус. Промокшие майор и Лобачев уходят наверх. Уже поднимаясь, слышим звуки полкового барабана — это Саша Синельщиков и Ира Горина, занимающиеся снятием навески и подъемом оставшихся шести мешков, в неизвестных целях прищелкнули несколько карабинов на пустую алюминиевую канистру из-под бензина из лагеря-300 и перемещают ее по пещере. Звуки эти, доносящиеся из глубины, будут сопровождать нас еще много часов, напоминая иногда о существовании Иры и Саши.

Скальник. Колодец. Колодец. Скальник. Медленно ползут мешки и время. Начинается вторая подряд ночь без сна. Последнее обстоятельство действует на всех по-разному. Миша иногда начинает ругаться без всякой видимой причины. Я засыпаю, положив очередной мешок, и просыпаюсь, когда Миша тычет в меня следующим мешком; кладу его и снова засыпаю. В Ольге появляется неистребимое желание скорее лезть наверх, что она в конце концов и делает. Догнать ее нам так и не удалось. Вынимаем последний колодец перед шкурником. Тут, оторвавшись от погромыхивающего полкового барабана и прочего груза, появляется Саша. Миша спускает в колодец сигареты. Перекур на разных этажах. Решаем подниматься, захватив с собой лишь усиленный модуль завхоза и два мешка со спальниками некоторых участников выемки.

Приходим в лагерь, едим и под утро отходим ко сну. В первой половине наступившего дня готовы к выходу только двое. Остальные говорят, что будут готовы к вечеру. Поэтому ждем вечера, однако число желающих заняться выемкой не возрастает.

Выходим вдвоем с Лобачевым. Черт бы побрал эти ночные выходы! Сначала вынимаем десяток мешков из колодца ниже шкурника, затем спускаемся за транспортниками и канистрой с карабинами, оставленными Сашей и Ириной. Отцепляем карабины от канистры и начинаем движение наверх. Находясь уже почти на дне упомянутого колодца, слышим чей-то голос. Его обладатель жаждет спуститься вниз и помочь нам. Отговариваем его это делать ввиду того, что сами уже собираемся подниматься, но он продолжает настаивать. Примерно после шестого обращения сверху, полагая, что там находится майор, Андрей громко добавляет к рекомендации не спускаться рекомендацию пойти на совершенно иной объект. Наверху сразу поняли и замолчали. Через несколько минут узнаем, что прибыла двойка Коля-Лада…

Всем коллективом протаскиваем мешки через шкурник. На дне сороковки нас ждут еще три мешка с дерьмом, вынесенные сюда ранее из лагеря-300. Добавляются и транспортники со снятой навеской. Общее поголовье «стада» достигает тридцати. Выхожу из колодца, пропускаю веревку через блок, девять раз изображаю собой противовес — и стадо переме-

щается на сорок метров выше. Далее в очередной раз занимаемся экспериментальной проверкой теоремы Усикова (говорят, есть такая важная теорема), гласящей, что в произвольном месте пещеры можно сложить произвольное число мешков. К рассвету «стадо» наверху входного колодца.

Многие мешки в «стаде» на одно лицо, но есть и яркие индивидуальности. Вот мешок с термометром Коротаева, завернутым в коврики. А вот тяжеленный мешок, содержимое которого состоит наполовину из троса, а наполовину из дерьма. В месте стыка ингредиентов он все время норовит перегнуться и изобразить букву Г, при этом одна из составляющих этой буквы непременно застревает в какой-нибудь щели. Метра этак за три до выхода на поверхность мешок в очередной раз превращается в букву Г, что вызывает у наблюдающих это событие неудержимый смех, продолжающийся несколько минут.

Ранним утром спускаемся в лагерь, где наши товарищи уже вовсю собираются идти в пещеру помогать вынимать мешки. Интересно, что ночью некоторые из них слышали, как мы пришли, погремели посудой и легли спать. Не предполагая, что все это им приснилось, они были весьма удивлены утром, не обнаружив нас в лагере. После получения приятного известия о прибытии всех мешков на поверхность устраивается троллей от тура, сложенного у Московской, почти до лагеря. Слабо соображая что-либо (из последних трех ночей я спал одну половинку), под стук падающих мешков и радостные вопли троллейщиков пытаюсь вздремнуть.

Тридцать мешков общественного груза и личных вещей товарищей, убывших в Москву, лежат у кухни. Начинается их вытряхивание, разборка, сжигание мусора и снова укладка. В результате мешков становится 27, то есть их количество сокращается, как это нетрудно было предвидеть, на 3 мешка с мусором; кроме того, некоторые мешки становятся легче. На бурную деятельность вокруг распотрошенного «стада» уходит весь день. Темнеет, спускается туман, начинает накрапывать дождь. Тут, собственно, наступает момент коллективного прозрения и все осознают, что день кончился и времени для спуска мешков до поляны на краю леса, где должен утром сесть вертолет, не остается.

Коля Чеботарев начинает объяснять, что надо идти с ходкой в ночь, туман и дождь, а также, что, оказывается, все плохо работают. Остальные джигиты категорически не согласны ни с тем, ни с другим. В разговор джигитов со своими критическими замечаниями по поводу организации экспедиции вступает Ольга и получает вежливый ответ Коли, состоящий в утверждении, что если бы Ольга была мужиком, то он бы дал ей по морде. Так как обсуждение затягивается, заявляю, что подчинюсь решению общества, а пока оное будет вырабатываться, пойду посплю. Вздремнув, возвращаюсь на кухню; при активном участии Андрея Лобачева принимается вариант, согласно которому Коля и Лада идут с ходкой и затем возвращаются за второй, а остальные спят до четырех часов, после чего еще затемно делают первую ходку с общественным грузом и пытаются успеть сделать вторую со своими вещами.

Встаю в четыре. На кухне уже находятся Миша и вернувшиеся Коля и Лада. Дождь кончился, туман исчез, но путь вниз сырой и скользкий. Будим остальных. Начинаем спускаться при свете луны. Постепенно светлеет. Встречаем прекрасный рассвет. Вокруг розовые вершины гор и прозрачное небо, а за спиной мешки. Все, кроме Коли и Лады, остающихся на поляне ждать вертолет, возвращаются в лагерь, где после первой ходки, кроме несобранных палаток и личных вещей, остались еще пять мешков общественного груза и куча пустых канистр.

Так как почему-то очень хочется успеть к вертолету, снимаю палатку и собираюсь, подгоняемый Ольгой. Получается три мешка барахла, содержащего такие полезные вещи, как любимый скальный молоток, служащий по совместительству гаечным ключом и чесателем спины, мои карабины, найденные вчера в кучах вытащенного снаряжения и саперная лопатка Бизюкина, оставленная им навечно в лагере-500 и засунутая затем Колей в один из мешков, поднимаемых на поверхность, как элемент, для пещеры нехарактерный и загрязняющий окружающую среду.

Привязываю для полноты ощущений к станку еще два общественных транспортника из оставшихся пяти. Видимо, чувствуя мое желание успеть к вертолету, за мной вниз устремляются Ольга и Миша; Ольга берет с собой в руки побитую и помятую канистру, путе-

шествовавшую в лагерь-300 и обратно. Красивые непомятые канистры так и останутся лежать до лучших времен на Гагрском хребте, а четверка оставшихся товарищей сформирует группу отставших от вертолета. Днем позже они, вместе с еще ничего не подозревающим Мишей, образуют группу не успевших на поезд.

Мы находимся у Озера, когда появляется вертолет. Увидев его, менее загруженные Миша и Ольга на порядок увеличивают скорость и скоро исчезают из поля зрения. Я, увы, не могу прыгать по камням и бежать по мокрым глинистым склонам. Кстати, если Вы при спуске со станком, из-под которого видны только Ваши ноги, захотите упасть — падайте на станок. Вы испытаете почти те же приятные ощущения, что и при падении на диван; если же упадете по-другому, то испытаете почти те же ощущения, что и при падении дивана на Вас.

Вертолет садится и через несколько минут — о чудный миг! — останавливает двигатели. Значит, Коле удалось уговорить экипаж подождать. Внизу меня встречают вышедшие навстречу Андрей Бизюкин, прилетевший на вертолете с Татьяной, и Коля Чеботарев. Завидев мешки на моем станке, Коля радостно спрашивает, имея ввиду оставшийся после первой ходки общественный груз:

— Все пять?

то ли сильно переоценивая мою способность к благородным поступкам, то ли сильно недооценивая мои умственные способности. Он несколько огорчен, услышав в ответ:

— Нет, два.

Через несколько минут станок, пересевший на Андрея, закончил свое путешествие у вертолета.

— Бога нет! Это медицинский факт. — говорил О. Бендер и был неправ. Сидя на одном из набежавших облаков, белых и легких, Бог наблюдал странную сцену — рядом с запустившим после 40-минутного простоя двигатели вертолетом четверо мужиков сбрасываются на пальцах. Они выясняют, кто из них полетит к теплому морю, а кто останется для спуска оставшихся общественных мешков. Для спуска мешков Бог выбирает Мишу, немного обалдевшего от случившегося, и Колю. А я, получив явное подтверждение своему давнему подозрению о существовании потусторонних сил, через несколько минут оказываюсь на Адлерском аэродроме. Жаль, что вертолеты не летают в пещерах…

Часа через полтора, лежа на пляже, поглощая сделанные на вокзале (где мы встретили Лешу Лациса и других путешественников, посетивших пещеру Алексинского) запасы пищи духовной и материальной, с некоторым удивлением слушаю, как Ольга объясняет нашему пляжному коллективу, что в настоящее время в море купаться нельзя, так как Коля Чеботарев сообщил ей, что от этого «бывают плохие дети». Тем не менее вскоре она отважно лезет в воду. В восемь вечера появляется сам Коля, с завидной скоростью спустившийся с Гагрского хребта. Миша Бузинов присоединился к группе, отставшей от вертолета и заночевавшей на Геге.

Утром загружаемся в поезд, так как накануне Коля с присущей ему мудростью взял у Иры Гориной наши билеты. На станции Горячий ключ Коля при посадке теряет кроссовку, а вскоре выкидывает из поезда вторую. Если кто-либо додумается пройти несколько километров вдоль путей, то, несомненно, станет обладателем пары почти новых кроссовок.

* * *

«Друзья! … Да здравствует спелеология!»
/Д. Усиков/

Москва. Начало сентября. Ночь.

Надо вставать и идти в пещеру вынимать мешки. Ужасно не то, что надо вынимать мешки. Ужасно то, что надо вставать. Просыпаешься, осознаешь, что просыпаться не надо, и с чувством огромного облегчения и внезапно привалившего счастья засыпаешь.

февраль-март 1989 г.

Примечания /1996 год/:
некоторые действующие лица

Коля Чеботарев — один из основных участников первопрохождения Снежной в 1971-72 годах. Большой любитель новых спелеологических районов и красивых девушек. После 1988 года в обычные пещеры практически не лазил, но ездил пару раз в ледяные пещеры Средней Азии (исследовал пещеры, вымываемые водой в леднике, через которые раз в году спускается озеро Мерцбахера).

Таня Немченко и Андрей Бизюкин — одни из основных участников первопрохождения донной части Снежной и других пещер (в том числе Московской с 380 до 970 метров в 1986 году). По мысли Коли Чеботарева, их участие в экспедиции гарантировало достижение дна пещеры.

Майор Лютиков — настоящий майор, бывший десантник. Однажды, где-то в середине экспедиции женский коллектив вместе с майором Лютиковым собрался пойти в пещеру.
— Надо , чтобы с ними пошел кто-нибудь из мужиков, — сказал, задумавшись, Коля Чеботарев, чем очень обидел майора.

Юра Косоруков — будущий председатель спелеоклуба МГУ. Один из основных участников первопрохождения пещеры Меженного.

Миша Коротаев. Работал на Геофаке МГУ, подготовил докторскую диссертацию. Один из основных участников первопрохождения пещеры Меженного. Некоторое время был председателем спелеосекции МГУ/ЛКТ.

Из многочисленных моментов общения с Мишей больше всего мне почему-то врезались в память два эпизода из зимней экспедиции в Ветерок 1991 года Это его слова при обсуждении ближайших планов: “Я девушка, на все согласная”, и то, *как* он минут десять читал наизусть стихи Левитанского, когда мы пошли вдвоем тропить.

На табличке в Очажном гроте Воронцовской пещерной сиситемы выгравированы годы его жизни — 1955-1992.

ТРИ ДЫРЫ,
9 ЭКСПЕДИЦИЙ И 78 МЕТРОВ ЗАВАЛА

Алексей Шелепин

— Что такое! — сказал вдруг Балаганов,
переставая работать. — Три часа уже
пилю, а оно все еще не золотое.

Пояснение
(вместо предисловия)

Пещеры Каньон, Ветерок и Самохват, расположенные на высоте 1100-1200 метров в зоне леса на склоне Хипстинского массива (Бзыбский хребет, Западный Кавказ), открыты харьковчанами в 1984-85 годов.

Причина столь пристального внимания к этим трем дырам — близость к окончанию пещеры Снежная. Если бы удалось пройти их до возможного соединения со Снежной, то исследование последней существенно упростилось. Если же добавить к глубине Снежной, составляющей 1370 метров, еще 300 метров, оставшихся до источника на реке Хипста, то получится новый мировой рекорд глубины.

В 8 из 9 экспедиций, проведенных в Каньон, Ветерок и Самохват в 1986-92 годах, автор принимал живейшее участие.

КАНЬОН

Если удачно кинуть камень во входной колодец Каньона, ничего, кроме стихающего свиста воздуха, не услышишь — камень упадет на осыпь на отметке -190 метров, а затем, быть может, покатится, соскочит с осыпи и долетит до дна, находящегося на отметке -280 метров.

1986, ноябрь

Осенью 1986 года 12 мужиков (в основном, из секции МГУ/ЛКТ) под руководством Андрея Бизюкина отправились на поиски этой пещеры. В их распоряжении были сведения, что пещера находится в распадке (каньоне), спускающемся от Снежной, и полученная от В.Н.Дублянского топосъемка харьковских спелеологов, изображавшая вертикально поставленную трубу высотой 320 метров с прилипшими в некоторых местах к ее внутренней поверхности камнями. Было взято все необходимое снаряжение, в том числе катушка стального троса диаметром 5.5 миллиметров (за отсутствием более тонкого), весившая более 20 килограммов.

Экспедиция высадилась с поезда в Гудауте и уже вечером встала лагерем у Лужи с головастиками, на высоте около 1100 метров над уровнем моря. (Вот к каким успехам приводит отсутствие женщин. Впрочем, это тема для отдельного разговора.) Вода в Луже была настолько грязной, что зачерпывать ее для приготовления пищи приходилось только в темное время суток — в светлое на это просто не поднималась рука. Поясним, что Лужа с головастиками — это географическое название, и, очень может быть, что когда-то там водились даже головастики. Незадолго же до нашего прибытия рядом с Лужей водилось много коров, превративших окружающее пространство в грязное месиво с материальными следами своего пребывания.

Наиболее дальновидные спелеологи легли спать под навесом, оставшимся от пастухов, прочие же поставили палатку посередине этого самого пространства. Забегая вперед, заметим, что через пару дней палатка сгорела под хохот присутствующих под навесом. Что не сгорело, то растоптали и втоптали в грязь, сбивая пламя, выскочившие из-под навеса жи-

тели палатки. В числе прочих вещей подгорел спальник известного впоследствии деятеля Демсоюза, сшитый из красных флагов с прослойкой синтепона. Синтепон дожгли, а один флаг прикрепили к древку и к празднику 7 ноября поставили в лагере. На место сгоревшей палатки поставили другую — палаток было почти так же много, как грязи. Была подсчитана скорость горения палатки с барахлом — получилось что-то около 10-15 рублей в секунду (по состоянию цен на 1986 год). Мораль проста: выходя из палатки, не оставляйте внутри горящий гекс.

Погода не отличалась оригинальностью, но отличалась постоянством: к часу дня начинался дождь, который заканчивался к ночи. Солнца не было, но пару раз за экспедицию туман рассеивался и мы, лежа под навесом, видели берег моря и Гудауту.

Тактика поиска пещеры была следующей: мы поднялись, таща снаряжение, до альпийских лугов, а затем медленно, преодолевая скальники, сваливали вниз по распадку. Там, где нас застигала ночь, барахло бросали и возвращались к Луже с головастиками. С утра шли, находили барахло, и так далее. И через несколько дней, когда мы спустились уже ниже уровня Лужи, нашли Каньон. Оказалось, что пещера находится менее чем в 40 минутах хода от лагеря. Покидали камни в колодец. Будущий деятель Демсоюза Саша Осипов даже спустился на дно входной семидесятки, а будущий банкир Кирилл Евдаков в полном спелеооблачении посидел над входом в дыру. Возвращались в лагерь в этот день разными путями.

На следующий день пошли к дыре за снаряжением. Вести вызвались, описывая преимущества своего варианта пути, Вадим Шпак и автор. Но тут пошел дождь, а названный вторым является энтузиастом только тогда, когда дождя нет; поэтому вскоре он оказался в конце колонны. Еще через часок-другой вымокшая до нитки колонна уткнулась в собственный лагерь у Лужи. Начальнику — Андрею Бизюкину — удалось мастерски развернуть колонну (вовсе не желавшую это делать) и направить ее вниз по склону к Каньону. Там Кирилл продемонстрировал некоторым необразованным товарищам, стягивающим сапоги, что делать это вовсе не обязательно: достаточно лишь сесть на один камень, положить ноги на другой, повыше, и вода сама хлынет из сапог.

Нагрузили станки, полезли, цепляясь за кусты, вверх по крутому скользкому склону. Местами на облетевших кустах висели ягоды кавказской черники. Однообразие подъема скрашивалось ожиданием одного из участников, которого звали Боря, шедшего по крайней мере в два раза медленнее остальных. На дворе ноябрь. Чуть выше, на лугах, идет снег. Как говорит Кирилл, "легкий бодряк". И вот шесть насквозь промокших мужиков, стоят, мерзнут и орут "Борис!", и кто-то сравнительно тихо добавляет детскую призказку из трех слов, рифмующуюся со словом "Борис". А Бори все не видно. Как говорит все тот же Кирилл, "беда-а..." Третье же любимое (в этой экспедиции) слово Кирилла, характеризующее отдельную личность, мы воспроизводить здесь не будем. Это оригинальное слово автор может сообщить интересующимся в частном порядке.

И вот село Дурипш. Станок за спиной. В руках каны со сладким и сухим вином. Все, как в известных сроках спелеолога И.Петрущенкова:

В канистре, видимо, не квас
И не бензин — у вас походка фигуриста...
Ах этот Западный Кавказ,
Места паломничества спелеотуристов.

1987, май

Конец мая. Лужа с головастиками. Светит солнце. Небольшая группа спелеологов фотографируется на фоне уже изрядно выцветшего флага и нежно-зеленых деревьев.

Лагерь поставили в балке недалеко от входа в Каньон. Скальников в балке не было: они оказались под снегом. Вечером и ночью вниз по балке дул очень холодный стоковый ветер, для защиты от которого мы сделали плетень, охватывающий полукругом место костра. Андрей Бизюкин и я поставили палатки на землю, а классик советской спелеологии Данила Усиков — чуть в отдалении (чтобы ему не мешали), на тающий снежник. Под палаткой снег

таял гораздо медленнее и постепенно там возник высокий покатый бугор с вершиной в центре палатки. В течении всей экспедиции Данила время от времени подкладывал под края палатки станки, веревку, мешки с едой и снаряжением, пока не был вынужден переставить ее за день до спуска в Дурипш.

Татьяна Немченко и Андрей Бизюкин навесили входной колодец и на следующий день я, напутствуемый Андреем, спускаюсь первым, стараясь особо не показывать своих чувств (более всего напоминающих обыкновенный страх: ведь до этого я спускался в колодцы не глубже 25 метров, да и то вдоль стенки). По полке ухожу вбок, где можно спокойно сидеть без страховки. Вниз продолжается широкий колодец метров 8 в диаметре, а рядом небольшая щель, в которую Андрей и вешает веревку. Спускаюсь с верхней страховкой и обнаруживаю, что щель вываливается в упомянутый выше колодец. При этом попадаю под ручей, появившийся откуда-то сбоку, и промокаю. На следующий день Татьяна Немченко и Татьяна Лясина навешивают дальше.

Наша компания увеличивается: прибывают Женя Снетков и Леня Иорданский. Андрей с Женей идут с лагерем на дно, а мы с Ильей Хацерновым сопровождаем их, спуская мешки на себе. "Дно" второго колодца представляет собой полочку на 1.5 человека, на которую сверху льет вода. Дальше — спуск вдоль стенки по ручью в 83-метровый колодец. Как мне было сказано, где-то посередине колодца в стене небольшая ниша и перестежка на тросе. Еду вниз, а перестежки все нет и нет. Колодец кажется бесконечным. Наконец-то перестежка, а вскоре и дно колодца - наклонная осыпь над следующим. Женя спускается на следующий уступ, бьет крючья, а Илья время от времени роняет с осыпи камни, попадая ему точно по каске, а затем также спускается.

Проходит часа полтора-два. В моей гидре (резиновом тигуре) была маленькая дырочка, правая нога промокла и мне холодно. Сижу на коленке у Андрея и слушаю его рассказы о способах согревания и стадиях переохлаждения.

Наконец я на дне. Уже стоит палатка. Несмотря на уверения Ильи, я сомневаюсь, что смогу вылезти на поверхность и решительно заявляю, что не полезу наверх, пока не посплю.

Четыре часа ночи. Мне и Илье пора уходить. Очень медленно вылезаем из спальников; в них тут же влезают (точнее, ввинчиваются) Бизюкин и Снетков. Пять часов. Андрей просыпается, окидывает меня и мое снаряжение критическим взглядом и тут же засыпает, а я начинаю подъем.

Метров через тридцать обнаруживаю, что оставшийся от харьковчан полевой телефонный провод обвился вокруг троса и веревки. Мерно раскачиваясь в бутылке, вынимаю нож и начинается процесс: режу провод, делаю десяток шагов и так далее. Нож быстро тупится о стальные жилы провода. Наконец оказываюсь у стенки колодца. Полка. Перестежка. Снова провод вокруг троса и веревки.

Шесть часов. Я наверху колодца, на осыпи, в 90 метрах от дна пещеры. Теперь-то я уверен, что вылезу на поверхность. Зажигаю свечку и жду Илью. Минут через сорок показывается Илья и ругается, почему же я не порезал весь полевой провод. Это вместо благодарности. Оставляю ему свечку и выхожу колодец 83 метра. Идти хорошо: вдоль стенки и не перегреваешься — сверху льет, но в меру.

Стоя на полочке на 1.5 человека, кричу вниз, что навеска свободна и я поднимаюсь дальше, но снизу слышу: "Жди!" Жду. По спине противно стучит ручей. Десять минут, двадцать, тридцать. Уже давно слышно тяжелое дыхание, потом вжик... вжик... вжик... самохватами по тросу, потом снова дыхание, но Ильи не вижу. Странно... Тут в паре метров под собой замечаю темно-красный бычок. При ближайшем рассмотрении он оказывается лампочкой, прикрепленной к каске Ильи и освещающей вокруг себя пространство в радиусе 2-3 сантиметров - это, оказывается, называется запсвет.

Что же случилось? Как только Илья услышал, что я дошел до полки, он задул свечку и тут же у него потухла лампочка. Надо сказать, что основной свет у него плохо работал всю экспедицию и Илья все время с ним возился. Разгадка оказалась проста: блоки он скручивал из трех одинаковых батареек — две последовательно и одну, "для усиления", параллельно... Непонятно только одно: как такой блок мог вообще давать свет сколько-нибудь продолжительное время.

Пропускаю Илью вперед и в 12 часов дня сам оказываюсь на поверхности. Вниз идут две Татьяны и Леня Иорданский. После обследования дна первыми поднимаются на поверхность Татьяны и бросают во входной колодец пустую консервную банку — условный сигнал для находящихся на дне. Но банка застревает на осыпи на 190 метрах. Во время выемки гаснет огромный фонарь на каске у Снеткова (с отражателем от фонаря "Эмитрон") — в полном соответствии со словами Усикова: "Мультивибратор — устройство, слишком сложное для пещеры". А идея была неплохая — с помощью указанного устройства плавно регулировать напряжение на лампочке.

Сброска в Дурипш. Нас осталось четверо: Татьяна, Андрей, Саша Вдовин и я. Дождь. Иду в комбезе. Отстаю. Часто падаю. Когда же у меня забирают мешок с посудой (3-4 килограмма, не больше), идти становится гораздо легче. Странный эффект — эти 3-4 килограмма так мало меняют общий вес станка. Цветут рододендроны. На окраине Дурипша заправляюсь вином и — шагом марш до центра.

1989, август

13 августа 1989 года. Вечереет. Четыре спелеолога: Андрей Бизюкин, Андрей Игнатенко (для друзей просто Чувак), Олег Одиноков и Алексей Шелепин одеваются у входа в Каньон. Вокруг многочисленные провожающие и столь же многочисленные мешки: навеска, лагерь, подводное снаряжение для проныривания сифона.

С легкой тоской во взоре автор (который далее будет говорить о себе в третьем лице) загружается во входной колодец. Часа через полтора, стоя на осыпи на глубине 190 метров, Леша говорит, что хорошо бы сделать навеску не так, как раньше, а уйти влево. Там, двадцатью пятью метрами ниже, вроде бы видна полочка; на нее не падают камни с осыпи и, вероятно, с полочки можно будет куда-нибудь закачнуться. Олег приспускается, откачивается налево, забивает промежуточный крюк, потом еще три на полочке, навешивает и съезжает на дно.

Леша занимает его место на полочке, которая, оказывается, имеет ширину меньше, чем длина ступни, и принимает 4 мешка. Перед ним, прижатые животом к стене, лежат 130 метров выбранной снизу веревки (до дна колодца всего 70 метров, но резать-то жалко). Мешки висят на крюке у левой руки, трехроликовая каталка с пропущенным через нее концом веревки - у правой. Леша вщелкивает 3 мешка в карабин на конце веревки и передает их за эту самую веревку за своей спиной из левой руки в правую.

У немуфтованных карабинов "irbis", открывающихся вбок, есть одно сомнительное достоинство: в них легче вщелкнуть веревку. Но и выщелкивается она тоже легче... Мешки выщелкиваются и совершенно бесшумно отваливают в пустоту семидесятки. Проходит пара секунд.

Бум...Бум...Бум...Бум...БУМММ!!! Пшшшшшшшшшшшшшшш...

Громко и зловеще шипит вырывающийся из упавшего баллона сжатый воздух.

Сверху что-то кричит Андрей. Снизу кроме шипения ничего не слышно. Олег молчит. Проходит еще несколько секунд.

— Баллону ....ец! — наконец доносится снизу. Уфф... Значит, с Олегом все нормально.

Мешок с баллоном падал отдельно от двух других и, в отличие от них, отнюдь не вертикально. Ударяясь о стенки, он все дальше забивался в узкую щель в углу широкого, диаметром около 10 метров, колодца. Олег, стоявший в этой щели, остался цел потому, что был многоопытен. Так, за два года до этого он уже имел соприкосновение с падающей сверху глыбой, сдернутой тросом, после чего у него некоторое время плохо двигалась рука. Олег вжался в самый угол щели, а баллон упал прямо перед ним, на то место, где он только что стоял, и злобно зашипел, перегораживая проход. Олег стал отпихивать баллон ногой, но тот не хотел уходить. Тогда Олег перескочил через баллон, пробежал через зал и уже из другой щели сообщил о кончине баллона, что, впрочем, и так было достаточно очевидно.

Новой надувной лодке, в которую был завернут вентиль баллона, также настал конец. Она была пробита струей сжатого воздуха то ли в 20, то ли в 40 местах, которые после на поверхности скрупулезно сосчитал владелец — Володя Хорев. Пронырывание сифона отменялось.

Аккуратно спускаются оставшиеся мешки, а за ними Леша и Чувак. Спуск поисходит по сравнению со старым путем ближе к стенке, но все равно в бутылке. Находясь под впечатлением от происшедшего, трос на дне колодца оттянуть забыли и здорово крутит. Чувак спускается последние метры очень медленно, расплетая трос и веревку. Андрей Бизюкин спускается до полочки, видит уходящие вниз перекрученные трос и веревку и кричит сверху, чтобы распутали.

С четырех до пяти утра происходит процесс распутывания. На дне колодца точно посередине зала стоит Олег и держит в руках трос. Вокруг него с клубком веревки в руках ходит Чувак. В стороне у стены стоит Леша и наблюдает. Сверху, с высоты 25-этажного дома Андрей Бизюкин руководит процессом : командует, в какую сторону крутить.

Место перекрута веревки и троса медленно уходит вверх и исчезает из вида. Минут через десять оно вновь появляется (закрутка, теперь, разумеется, в противоположном направлении). А еще через несколько минут доходит до Чувака с Олегом. Чувак невозмутимо разворачивается на 180 градусов и продолжает описывать круги. (Далее смотри начало абзаца.)

Еще через полчаса Андрей дает распоряжение прекратить процесс, вытаскивает клубок веревки и троса на полочку, затем на осыпь, все распутывает, вешает по старому пути и спускается. Путешественники разбирают мешки, ставят лагерь и заваливаются спать.

На следующий день Леша поднимается до середины последнего колодца, высвечивая стенки и пытаясь определить, откуда дует ветер. Оказывается, дует он со стороны щели, ведущей к озеру. Под вечер Чувак моется под душем : раздевается, вешает плавки на дюралевую этикетку "Каньон ХГУ 1985", прибитую к стенке на дне колодца, и становится под ручей, падающий сверху. Несмотря на то, что температура воды и воздуха около 4 градусов, видно, что ему хорошо. Андрей Бизюкин запечатлевает принятие душа на слайдах. Все ужинают и засыпают.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *

СКАЗАНИЕ О ПАВОДКЕ

Одинокий спелеолог не спеша идет по широкому горизонтальному проходу. Тихо. Под ногами нежно, еле слышно журчит ручеек. Долго ли, коротко ли идет спелеолог и вот подходит к краю большого колодца. Заглядывает вниз. Там темно. Он смотрит наверх. Откуда-то свисает на цепочке ручка. Спелеолог пожимает плечами и дергает за ручку.

Слышится нарастающий гул. Пенящийся поток заполняет весь проход, смывает спелеолога и уносится в темную глубину. И снова все тихо. С потолка по-прежнему свисает ручка. Нежно, еле слышно журчит ручеек.

* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Спелеологи просыпаются около 11 утра и, лежа в спальниках, безуспешно пытаются вызвать по телефону поверхность. Поверхность не отвечает.

Вдруг слышится шум падающих камней, а затем характерный звук, возникающий при спускании воды в унитазе. На пару секунд все замирают с сосредоточенными лицами, а затем вскакивают и начинается бурная деятельность. Ручей, обычно просачивающийся через щебенку под колодцем, устремляется по наклонному ходу под палатку. Настоящие мужчины и настоящие спелеологи любят сухую одежду и спальники и умеют быстро убегать. Потоку удается намочить только дно палатки и один сапог Олега. Палатка переносится на уступ в русле бокового ручейка, находящийся выше видной на стене на высоте около двух метров линии уровня максимального подтопления дна.

Чувак — человек во всем основательный — роет глубокую канаву для ручейка вдоль края и так небольшой площадки. Его здоровому сну ничуть не помешает то, что ему придется лежать в этой самой канаве всю следующую ночь.

Спелеологи снова залезают в палатку, едят и узнают по телефону новости с поверхности об утренней грозе и о бурном ручье, протекавшем во время грозы как раз посередине палатки Кости Дорфмана.

Заметим здесь, что это лишний раз доказыват преимущества палатки без дна: вода вытекает из нее также легко, как и затекает; в случае же наличия дна в палатке образуется озеро. Если же вы поставили палатку не в пересохшем русле маленького ручейка, а на ровной площадке в русле временно пересохшей горной реки и не додумались перенести ее после нескольких часов проливного дождя (а такое тоже случается в спелеологической практике), то по крайней мере успеете вынырнуть из-под палатки и спасти если не вещи, то самого себя.

После переезда на новое место и последующего приема пищи спелеологи идут в выход к озеру. Надо вылезти в распорах над палаткой метров на 30 вверх по довольно мерзкому глинистому скальнику. На верхних 5 метрах на оставленном навесочном карабине висит реп. Далее выбираешься на горизонтальную перемычку шириной около 10 метров; по другую ее сторону находится колодец с озером на дне. Сбоку и сверху на перемычку приходят два ручья; сливаясь, они устремляются в озеро.

Озеро это было обнаружено харьковчанами во время зимней экспедиции по шуму воды (в Каньоне зимой воды практически нет, зато внутрь дует холодный ветер, так что веревки обледенивают даже на последнем колодце). Один из них, Саша Пушкин, поднялся со дна Каньона до перемычки, затем метров на 10 вдоль одного из ручьев и, забив три промежуточных шлямбурных крюка, прошел траверсом по стене колодца к щели над озером, на этой высоте забитой камнями. Однако дальше, вверх по щели, было идти практически невозможно, так как глыбы над головой нависали и держались, что называется, на честном слове. В таком месте шансы печального окончания эксперимента по дальнейшему подъему можно оценить как предпочтительные. И Пушкин повернул. Он поднялся более чем на 40 метров, а до продолжения пещеры оставалось меньше четырех... Продолжение было найдено только через шесть с половиной лет, в августе 1992 года.

Ввиду отсутствия баллона в озеро в ластах, маске и с фонарем "Эмитрон" спускается Чувак. Он некоторое время плавает в озере, а затем безуспешно пытается залезть в ластах в приглянувшуюся ему щель над водой.

Пять утра. Светает. Четверо спелеологов и мешки стоят у входа в Каньон. Выемка закончена.

Восемь вечера того же дня. Темнеет. Леша с Кисой (Ирой Киселевой) выходят в пещеру "Самохватная".

* *

О НАУЧНЫХ КРИТЕРИЯХ ПОИСКА ПРОДОЛЖЕНИЯ ПЕЩЕР

Что делать, если пещера кончилась тупиком? Прежде всего необходимо поднять голову и оглядеться, а может быть, даже залезть на несколько метров вверх. Не думайте, что это просто — спелеолог, разыскивающий продолжение пещеры, обычно смотрит вниз, то есть себе под ноги. Так, в пещере ИГАН-4 автор, спустившись в колодец, около часа ворочал камни у себя под ногами. Встав, чтобы передохнуть, и подняв взгляд, он увидел проход размером 2х3 метра 30 сантиметрами выше собственного носа. А всемирно известный спелеолог В. Киселев в пещере “Турист”, двигаясь вдоль самой воды, успешно “затыкал” ходы, имеющие очень широкие верхние этажи, непроходимо узкими сифонами и завалами.

Предположим, вы огляделись вокруг и все равно не увидели прохода. Тогда надо подумать.

В настоящее время практической науке известно 3 способа поиска продолжения пещер:

1. По наличию тока воздуха;
2. По особенностям имеющейся топосъемки;
3. По использованию места в качестве туалета.

Основным способом автор склонен считать первый.

Что касается второго способа, то для его успешного применения требуется по крайней мере две вещи: сама топосьемка и определенный уровень интеллекта, поэтому способ этот используется на практике весьма редко. Автор с гордостью констатирует, что за 9 лет занятий спелеологией он дважды успешно воспользовался им.

Если же первый и третий способ привели вас к одному и тому же месту — успех обеспечен.

* *

Брезгливо спихнув кончиком молотка вниз, в узкую, шириной в несколько сантиметров, щель, из которой дул ветер, материальный след пребывания харьковских спелеологов, Леша приступил к раскопкам. Еще через полчаса успех стал очевиден: оставалось расстучать узость, за которой было видно расширение.

Утром следующего дня Леша загрузился в подземный лагерь в “Ветерке”. Два дня назад туда с лагерем спустились Инна Павлова, Ольга Сусова и Костя Дорфман. Леша, спустившись, хотел было залезть в палатку, но тут дамы в один голос пожелали, что бы он посмотрел на то, что они прокопали в завале. Леша посмотрел да так и остался копать до ночи.

1990-1994 гг.

ВЕТЕРОК

Часть первая: 78 метров завала

“Не очень строгого режима
подземный лагерь “Ветерок"
(слова из ненаписанной песни
спелеолога И.Петрущенкова)

Вход в “Ветерок” находится в правом (если смотреть снизу) ответвлении балки, по которой мы спускались в поисках Каньона в ноябре 1986 года и отделен от развилки двумя скальниками высотой 19 и 10 метров. Весной 1987 года, когда скальники были под снегом, его обнаружил Данила Усиков. Летом 1988 года Андрей Бизюкин спустился до большого зала на глубине 140 метров, из которого не было очевидного прохода вниз (подробнее об этой поездке смотри “Как Коля Чеботарев водил спелеосекцию МГУ на километр”).

И вот — большая летняя экспедиция 1989 года, первая моя экспедиция в качестве руководителя. Из-за грузино-абхазского конфликта мы выехали лишь 4 августа, на неделю позже, чем хотели, но в расширенном составе. К нам присоединились три старших товарища — Андрей Бизюкин, Андрей Игнатенко и Олег Одиноков, планировавшие перед этим поехать в пещеру имени Алексинского.

Лагерь поставили на дне балки в том же месте, что и в 1987 году. В “сказку”, расположенную в балке скальником ниже лагеря, сделали навеску за шлямбурный крюк. (Спешу успокоить сочувствующего читателя — снаряжения для подъема не требовалось, можно было просто придерживаться за веревку руками.)

В тот же день вечером я слазил в Самохват, вход в который находится у самого лагеря. Сопровождавшие меня Оля Сусова и Оля Михалева остались ждать в зале перед шкурником. У самого дна пещеры, находившегося на глубине 43 метров, я залез в вертикальный

глиняный шкурник на высоту собственного роста. Убедившись, что дальше идти некуда, захотел вылезти. Минут через 10 я понял, что попал в ловушку: трепыхаясь, отвоевываешь несколько сантиметров, а когда останавливаешься передохнуть, медленно сползаешь обратно. И если бы еще минут через 10 я не вылез, то, вне всяких сомнений, часа через два меня бы спасли товарищи.

Дно же пещеры представляло собой меандр с полом из щебенки, в дальнем конце которого щебенка кончалась — там была щель шириной 6-8 сантиметров, из которой с шумом дул ветер, и уже упоминавшееся материальное свидетельство того, что не я был здесь первым.

Через день, после навешивания скальников, группа спелеологов подошла к Ветерку. Из входа, как из трубы паровоза, но только в горизонтальном направлении, на несколько метров бьет струя пара — холодный воздух, выходя из пещеры и смешиваясь с теплым и влажным, вызывает конденсацию. Проползли 14 метров узостей, одели сбрую, навесили 3 колодца и спустились в зал, на глубину 140 метров. Ручеек уходит в щебенку сразу под колодцем. В самом низу зала — вертикальная щель в стене, которую уже безуспешно пытались раскопать Костя Дорфман и Боря Галицкий (они вдвоем ездили сюда весной). Щель слишком узка. Зато правее из камней сильно дует воздух. Копать будем здесь!

Копается хорошо, и пещера углубляется со скоростью 15-20 сантиметров в час. Возвращаемся на поверхность утром и решаем поставить подземный лагерь в пяти метрах от забоя. Ровная площадка, большой зал, ручеек и всего 140 метров от поверхности — что еще надо для полноценного отдыха!

С 18 по 24 августа (с перерывом на один день) я провел в Ветерке. Сначала можно было копать в одиночку, потом девушки поочередно дергали наполняемые мной мешки, потом пришлось выстраивать цепочку. Когда глубина забоя достигла 4 метров и вместо камней пошла мягкая глина со щебенкой, я почувствовал, что успех близок — этот слой не может быть толстым, так как тогда воздух просто не сможет пройти через него, а он ведь все-таки проходит через какие-то незаметные щели. И вот, на шестой день работы — победа! Я наконец-то ползу между камнями и потолком, потом еще час двигаю камни — и следующая камера, из которой можно спуститься в нечто вроде меандра, но надо расширить проход.

Итак: глубина пещеры стала равной 155 метров, а до конца завала осталось 78-15=63 метра по вертикали. Но этого еще никто не знал.

Следующие два дня подряд я не ходил в пещеры, хотя имел полную возможность делать это. На третий день мы с Олей Сусовой пошли делать топосъемку и выемку из Самохвата, который Олег Одиноков соединил с Каньоном — экспедиция завершалась. Потом была сброска на Хипсту, день мы простояли на реке, и в завершение — два дня в Гантиади на берегу моря под соснами. Там я реализовал свою локальную мечту — сделать большую яичницу (мечты тоже иногда бывают странными). Совешили мы и незабываемый тур по шашлычным и питейным заведениям парка города Гагра. Из-за грузино-абхазских событий отдыхающих практически не было. Никакой суеты и толчеи — мы побывали на настоящем великосветском курорте Гагра, как он и задумывался при создании близким родственником последнего российского императора — принцем Ольденбургским.

В ноябре 1989 года многочисленая команда выехала в уже хорошо знакомый район для дальнейшего прохождения пещер Ветерок и Самохват. Стояла золотая осень. Большую часть времени я посвятил прохождению “штанов” в Самохвате, а затем, вылезши на поверхность, наконец попал в фазу с прибывшей снизу из Дурипша очередной канистрой вина. В Ветерке в подземном лагере в это время сидели опытные бойцы во главе с Женей Снетковым и копали завал, и вдруг из Ветерка поднимается Боря Галицкий и сообщает о том, что оставшиеся там Игорь Петрущенков, Костя Дорфман и Женя Снетков собираются выходить на поверхность. Вечером вместе с двумя Олями загружаюсь в Ветерок. Когда мы спустились, мужики как раз вылезали из завала вместе с инструментами.

В подземном лагере “Ветерок” режим был не очень строгим — бастурма (это такое специально приготовленное мясо), кофе с коньяком и тихая музыка из маленьких колонок, висящих в углах палатки.

Утром мы с Игорем пошли в завал, а Женя, видимо, не очень веривший в успех, остался с Олями. По дороге осматриваю результаты раскопок. После меандроподобной трещины, которая была видна летом — зальчик размером с комнату, а в нижней части зальчика прокопана дыра с устрашающего вида нависающими камнями и крепью. За ним наклонный ход между камнями и потолком. Ползаем по камням. Наконец мне приглянулось место, где брошенные камни падали метров на 10 между глыбами. Оглядываюсь — потолок надо мной крепкий. Сажусь, беру лом в руки и начинаю стучать по камням прямо под собой. Через несколько минут подо мной раздается звук падения глыбы. Замираю. Секунд через пять внезапно падает еще одна глыба и открывается проход вниз.

Спускаемся. Попадаем в камеру. Двигаем камни и проползаем в следующую камеру, и так много раз. Все время меняемся ролями с Игорем: посидев минут 5-10, отдыхающий со словами “Дай-ка я!” снова рвется в бой, ликвидировать очередной “локальный затык”. Проходит несколько часов. Из узкой щели слышен шум воды. Мы на глубине 213 метров. Под ногами очередной и довольно основательный “затык”. Вдруг сверху слышится звук падающих камней. Может, показалось? Прислушиваемся. Звук повторяется. Становится как-то не по себе — над нами десятки метров завала. Начинаем быстро подниматься, стараясь не залезть куда-нибудь не туда. Снова сверху падают камни. И вдруг я вижу перед собой Женю.

Оказывается, Женя, оставив девушек заниматься топосъемкой, пошел за нами. Это он гремел камнями, не обнаруживая голосом своего присутствия — похоже, ему было просто интересно, как мы на это прореагируем.

Зимой 1990 года Женя организовал свою экспедицию и, используя посменный метод работы, докопал последние, весьма непростые, пять метров завала. В Москве он сообщил, что остановился наверху глубокого колодца.

Часть вторая: 6 часов в луже и по уши в снегу

В начале марта, воодушевленный рассказом Жени, коллектив в составе семи человек отправился в Ветерок. Ставим палатки у Чукотской у начала подъема. Забрасываем часть снаряжения к Ветерку. Снега мало. Тропить приходится только в балке. На следующий день тепло, все греются на солнышке и до последнего момента не верят, что мы с Кириллом Евдаковым соберемся в пещеру. Тем не менее мы выходим.

В сорокаметровый колодец над залом Кирилл роняет мешок с моими вещами, в том числе с фотоаппаратом “Зенит”. Последний оказался достаточно крепким: несмотря на то, что разбилось зеркало и перестал работать экспонометр, можно снимать, вытряхнув изнутри осколки. Ставим лагерь в ставшем уже привычном зале. На следующий день подходят остальные. Вешаем в завале провод, который используется как для связи, так и в качестве путеводной нити.

Выходим на дно вместе с Инной Павловой, взяв с собой снаряжения на 120 метров вертикали. После завала попадаем на ручей. Навешиваем колодец, о котором говорил Женя. Спускаюсь на дно и у меня вырывается нервный смешок — вода течет в узкую щель, слегка наклонно уходящую вниз. Пытаюсь пролезть ногами вперед, но через пару метров ноги во что-то упираются. Надо посмотреть, и теперь лезу вперед головой. Посмотрел. Все-таки можно расширить проход, срубив перья и выступы стен. Выползаю, отжимаясь руками. Заключительная стадии процесса представляет, безусловно, интересное зрелище — ноги, торчащие наклонно вверх из какой-то щели.

Второй выход на дно вместе с Татьяной Немченко. Татьяна ведет телефонный репортаж, который слушают в лагере. Проникаю, наконец, в небольшое расширение. В паре метров дальше видно довольно значительное расширение. Сажусь в лужу и стучу, и так 6 часов.

Ветер здесь дует гораздо слабее, чем на входе: основная часть воздуха уходит между камнями в левом углу зальчика, расположенного почти на самом верху завала, а не в прокопанный проход. Где-то скоро основной воздушный поток должен соединяться с потоком вдоль ручья и ход станет шире...

Экспертная оценка: осталось стучать (при наличии хорошего инструмента) сутки. Оставляю кувалду со свинцовой дробью внутри и острым клювом, заклинив ее поперек щели. Оставляем также на обертке от шоколадки стихотворное послание Жене.

Кирилл Евдаков и Володя Сочилин уже уехали в Москву, пора и нам. Выемку начинаем ночью. Около 6 часов утра поднимаюсь во входном 64-метровом колодце. Вот и полочка за 3 метра до точки навески. Сажусь передохнуть и ... примерзаю. Однако, это уже слишком. Отдираюсь, поднимаюсь наверх, а за мной идет Татьяна. Начинаю поднимать мешки, а Татьяна их принимает. Карабины также замерзают и не открываются. Отогреваю их руками. После каждой порции мешков к нам вылезает кто-нибудь снизу.

Во входных шкурниках дует сильнейший ветер с температурой 10-15 градусов ниже нуля. Эти шкурники и так не широки, а тут еще стены обледенели. Андрей Бизюкин, чтобы пролезть, срезает с себя вставший колом комбез.

Последним по колодцу поднимается Костя Дорфман, который так и не приделал к гидре манжеты и изрядно промок. Отношу мешки с навеской за поворот в меандре над колодцем и базирую. Там есть полка.

Андрей, Татьяна и Инна собирают станки и уходят, оставляя нам по пять мешков. Сидя над колодцем, бухтуем с Костей снятую с него веревку. Вдруг Костя бросает это занятие и следующие 15 минут, практически не реагируя на внешний раздражитель в моем лице, пытается выбраться наружу. Ноги его скользят по обледеневшим стенкам, я пытаюсь создать для них упор. Наконец, после ряда неудачных попыток, Косте удается протиснуться. Как сказал потом Костя, ему придавала уверенность мысль, что в экспедициях с участием Татьяны Немченко трупов еще не было...

Пока я протискиваюсь через шкурники с оставшимся барахлом, Костя уже отогрелся снаружи — там нет такого ветра. Еще несколько минут — и я стою на снегу, в каждой руке по черному сухарю, от которых поочередно жадно откусываю. После шести часов пребывания наверху входного колодца здесь тепло... Можно расслабиться.

Увязываем станки, оставляя по мешку на веревочке ехать за собой. На месте первого 10-метрового скальника крутой снежный склон и я лечу со своим станком через голову. В общем без последствий, если не считать, что потом почему-то с месяц болела какая-то мышца на спине. Когда проходим мимо Каньона, привязанные сзади на веревочке мешки, ползущие за нами, так и норовят нырнуть по снежному откосу в черную дыру входного колодца.

****

ПЕСНЯ ПЕЩЕРНОГО ЭНТУЗИАСТА

про суровые кавказские пещеры, сочиненная для заманивания в очередную зимнюю экспедицию в “Ветерок”

Всегда здесь мрак и очень сыро,
Зачем-то капает вода,
Нас чем-то манят эти дыры,
Нас что-то тянет в эти дыры,
И мы спускаемся туда.

Сначала длинный низкий ход
Вас доведет до грязной лужи.
Ту лужу перейдете вброд,
Ту лужу проползете вброд,
А ход становится все уже.

Вас обнимает шкуродер,
Всех обнимант без изъятья.
Любви пылающий костер,
Любви пылающий костер,

Слабее, чем его объятья.

Ну вот он сделал, что хотел,
Порвал комбез и отпускает.
Вы сели отдохнуть от дел,
А тут пещерный беспредел —
Мешок в колодец улетает.

Внизу темно, а сверху льет.
Луч фонаря на карабине.
Колодец гулко воду пьет,
Колодец жадно воду пьет,
А ты висишь посередине.

За поворотом поворот,
Завал и грязная работа.
Вас может мало кто поймет,
Но кто-то первым проползет,
И это тот, кому охота.

А есть пещеры, где тепло,
И занавески сталактитов.
И говорят, там как в кино,
Они всех тянут, как вино,
Как тыща маленьких магнитов.

Уперлась каска в сталактит,
А зад на толстом сталагмите.
У вас ужасно гордый вид,
У вас ужасно храбрый вид...
Ту фотографию храните!

****

Конец января 1991 года. Очередная экспедиция в Ветерок. “Икарус”, взятый нами в Сухумском аэропорту, довез до окраины Дурипша. Ночуем где-то посередине пути к началу подъема.

Очень много снега — надо тропить, еще не доходя до Чукотской. Ставим лагерь у Чукотской и начинаем тропить дальше. С утра мы с Мишей Коротаевым, затем Саша Синельщиков, вечером снова мы. Уже на трети подъема к Каньону все кусты под снегом и я, идя первым, двигаюсь то по грудь, а то и по уши в снегу. Как авторитетно говорит идущий следом Миша, какой бы глубокий снег не был, глубже все равно не провалишься. Сам он проваливается выше пояса. Я руками подгребаю снег под себя, уминая его перед собой так, чтобы можно было сделать следующий шаг. Ночь застает нас на гребне хребтика, немного не доходя до начала спуска к Каньону. Возвращаемся в лагерь.

Утро. Все еще спят. Вылезаю из палатки. На улице изрядный минус: снег под ногами противно скрипит. Все. Хватит. Экспедиция закончена.

А если более серьезно — если продолжить, то мы потратим еще два дня на заброску и успеем залезть в Ветерок, но поработать на дне не успеем. Такова специфика “демисезонных” экспедиций в серьезные дыры — даже при благоприятных обстоятельствах практически всегда для полного счастья не хватает одного-двух дней... А здесь расчет времени строился на том, что снега будет столько же, сколько годом раньше. Кроме того, если вы послушаете рассказы или почитаете воспоминания старых спелеологов, то узнаете, что

зимой глубокий снег обычно начинается от уровня Лужи с головастиками, то есть примерно с той высоты, на которой находятся Каньон и Самохват.

На перроне Гудаутского вокзала, где мы провели ночь в ожидании поезда, толстая мерзкая наледь. Родные советские субтропики...

САМОХВАТ

Часть первая: вперед и вниз

Здесь не куют, не сеют и не пашут,
а лишь кувалдой в шкуродере машут

Весной 1987 года, пока старшие товарищи исследовали Каньон, я залез в пещеру рядом с лагерем. После уступа и короткого меандра попадаешь в зал, в правой стене которого ниша и узкий, почти вертикальный, ход в монолите, через который сильно дует. Над нишей забито несколько шлямбурных крючьев с недобитыми дюбелями. Зачем — непонятно: даже если очень захочешь, не упадешь, застрянешь. Здесь уже лазили, но я пролезть не могу! Бью кувалдой, молотком, снова пытаюсь пролезть. Через пару часов удается, наконец, протиснуться вниз. Там небольшое расширение, где можно одеть обвязки, а за ним колодец метров тридцать. Лезу назад. Интересное это занятие — полчаса преодолевать короткий вертикальный шкурник. Отвоевываешь сантиметр, отдыхаешь, отвоевываешь следующий.

Позже Татьяна Немченко выяснила, что первопроходцем этого шкурника был харьковский школьник по прозвищу Самохват, в честь которого пещера была названа харьковчанами Самохватной. Мы изменили название на более мужественное — Самохват.

Летом 1989 года, как уже говорилось, был найден проход на дне. Олег Одиноков расширил его и дошел, сходу преодолев еще две узости, до колодца глубиной 55 метров. Для дальнейшего штурма ему требовался спутник, но я находился в это время в Ветерке, а более никто из достаточно опытных участников в шкурники не пролезал. Выход тем не менее был найден. Выбор пал на Володю Хорева, опытного спелеолога, завязавшего, однако, с занятиями этим сомнительным видом отдыха и развлечений, а приехавшего выгуливать здоровенного кавказца по кличке Нодар. Собачка (вес — более 50 килограмм) была породистая и зарабатывала больше, чем составляла зарплата самого Володи.

Слабо сопротивлявшегося Володю одели в комбез Иры Гориной и запихнули в дыру сопровождать Олега. Олег забил три крюка наверху колодца и съехал вниз, в большой 55-метровый колодец, а затем еще в два маленьких. Пещера продолжалась, и пришлось Володе сопровождать Олега в следующий выход. За время, прошедшее между выходами, два Андрея так разнесли кайлом и кувалдой входной шкурник, что Олег, начав, как и в предыдущий раз, с усилием в него пропихиваться, пролетел три метра до площадки наверху следующего колодца.

В конечной достигнутой точке Володя остался ждать, а Олег забил три крюка и повесил стометровые концы троса и веревки. Спустившись на 70 метров, он прокинул навеску через небольшой зал и поехал дальше. Уступом ниже Олег все-таки решил забить новый крюк, а еще через четыре метра наткнулся на старый и узнал перемычку между озером и дном Каньона, где он побывал несколькими днями раньше.

Последний выход летней экспедиции. Вдвоем с Олей Сусовой идем делать топосъемку и снимать навеску. Собирая перекус, узнаю у завхоза Иры Гориной печальную новость: кончились сухари. На спуске со мной происходит классическое спелеоприключение. Чтобы не уезжать от Оли сразу на всю длину последней навески, сделанной Олегом, останавливаюсь на полочке и отстегиваюсь от веревки, которая тут же уходит метра на четыре от края: колодец внизу имеет сильный наклон. Пропускаю Ольгу и сам спускаюсь на зажимах по тросу.

На середине подъема останавливаемся перекусить и открываем банку сгущенки. Оля ест мало. Я сгущенку не люблю, но выхода нет: если вытаскивать открытую банку наверх, то все содержимое мешка будет в ней, а бросать мусор в пещере тоже не хочется... Придется употребить ее вовнутрь. Вам никогда не приходилось есть сгущенку, закусывать ее салом с сухофруктами и запивать все это холодной водой? Попробуйте, и все обычные блюда покажутся вам изысканными деликатесами.

Часть вторая: через зяву в штаны

Еще летом в 55-метровом колодце была обнаружена впечатляющих размеров зява — окно в стене размером 4 на 10 метров, а за ней параллельный колодец, отделенный метровой толщины стенкой. Конфигурация полости удивительно напоминала огромные штаны высотой с 20-этажный дом. Исследование второй штанины и стало одной из главных задач осенней экспедиции.

Вместе с Олей и Дариком провешиваю телефонный провод до 55-метрового колодца, а последующие выходы совершаю в обществе Татьяны Немченко. Как-то само собой устанавливается расписание: спускаемся в пещеру под вечер, а возвращаемся в лагерь часа в два-три ночи.

Забит седьмой за выход шлямбур (мой личный рекорд). Колодец под нами имеет глубину порядка 30 метров, и по моим подсчетам, мы уже должны проскочить единственное место в известной части Самохвата, где сбоку приходит ручей и куда мы можем вывалиться. Вниз спускается Татьяна. Из темноты возникают контуры небольшого зала, через который Олег прокидывал навеску... На глубине чуть больше 200 м, за пару уступов до перемычки между дном Каньона и озером, ходы снова соединяются. Можно сматывать веревки.

7 ноября Андрей Бизюкин с Антоном Одиноковым сделали топосъемку штанины, после чего почти три года пещеру никто не тревожил.

Часть третья: откуда дует?

Возвратимся к тому, с чего мы начали повествование — ко входу в Каньон. Зимой это просто коварная воронка в снегу, засасывающая воздух. Если же подойти к нему летом, то обнаружится, что колодец отделен от дна балки, как перилами балкона, каменным барьером. Сверху — полоска неба в обрамлении яркой зелени букового леса над вертикальными серыми стенами. Холодный воздух, вырывающийся из пропасти, образует клубящееся облако и устремляется вниз по балке, оставляя за собой туманный след.

Откуда же дует? Похоже, что из Снежной. Но где же та дыра, через которую воздух попадает в систему Каньон-Самохват?

Конец июля 1992 года. Наша группа состоит в основном из “выпускников” спелешколы, организованной осенью 1991 года Мишей Коротаевым, съездивших в Воронцовскую пещеру зимой и на Караби в мае. Из более опытных — Яна Малаховская и я. Цели — окраска ручья в Самохвате, работа в Ветерке, а затем подъем на луга и посещение Снежной.

Среди нас — колумбиец Вильсон, студент университета Дружбы народов, ошибочно решивший, едя на наш юг, что теплая одежда будет лишней. За окраиной Дурипша он профессионально прячет кучу мешков, оставленных на вторую ходку, втыкая между ними зеленые ветки. Уже метров с трех мешки незаметны. И хотя Вильсон говорит, что у его бабушки плантация, в душу закрадывается подозрение: может быть, он колумбийский партизан?

21 и 22 июля, во время заброски, Марина Виноградова, Андрей Гузеев и я посетили источник на Хипсте, через который идет разгрузка (по крайней мере, частичная) подземной реки в Снежной и поставили ловушки как в сам источник, так выше и ниже по течению реки. Они должны были уловить краситель, запущенный в Самохват, если, конечно, его ручей впадает в Снежную.

Основная часть воды выбивается через камни прямо в русло Хипсты, но рядом с этими диффузными источниками есть еще один, уходящий под скальный берег. Мы опустили в него пятиметровый дрын, связанный из двух длинных палок и не достигли дна. (В начале сентября уровень воды в источнике упал на пару метров, до уровня реки, и дрын уперся во что-то; возможно, однако, что ход просто поворачивает.) Надо сказать, что коренное русло Хипсты здесь метров на 15 по высоте завалено камнями. Когда-то, сравнительно недавно (наверное, несколько сотен лет назад, хотя видны и совсем свежие следы), над одним из ее притоков произошел гигантский оползень, и ниже впадения притока русло реки теперь блуждает среди принесенных камней по широкой долине между скальными берегами. Источник раньше не был затоплен — в нем с потолка свисают сталактиты, а они, как известно, в воде не растут. Нашли мы совсем рядом и небольшую пещерку, которая, нас, впрочем, никуда не привела.

Становимся лагерем в ставшем уже привычным месте в балке. Забираем снаряжение, хранившееся в Ветерке, и совершаем массовый выход в Самохват.

И вот снова, как три года назад, я стою на перемычке между дном Каньона и озером и пытаюсь высветить окружающие стены в поисках какой-нибудь дыры. Дыра должна быть немаленькой: летом из Каньона и Самохвата выдувает около 5 кубометров воздуха в секунду.

Прямо на перемычку падает ручей, сбоку приходит ручей из Самохвата, и, сливаясь, они устремляются в озеро 13-метровым водопадом. По другую сторону перемычки виден темный объем последнего колодца Каньона. Откуда же дует? В 1989 году, приподнявшись по навеске в последнем колодце, я выяснил, что воздух в Каньон попадает со стороны перемычки. Самохват мы просмотрели весь, вплоть до озера. Остается колодец над перемычкой, с вертикальными стенками, уходящими в темную высь, и озеро. Если искомая дыра где-то наверху этого колодца (как зява в Самохвате), то надо отращивать крылья и учиться летать.

Над озером просматривается трещина, забитая наверху камнями, а еще выше, метрах в 15, видно какое-то темное углубление. Попытаться попасть туда можно с последней навески Самохвата. Поднимаемся. Вот крюк, забитый несколько лет назад Сашей Пушкиным. На этой высоте над озером горизонтальная полочка и вдоль нее два страховочных крюка, забитых им же. Скалолаз из меня хреновый, из Яны лучше, но если здесь не смог пройти дальше человек, уже поднявшийся лазанием на 40 метров, то надо попробовать в другом месте.

Еще четыре метра вверх по навеске до большой полки. В сторону щели над озером метров шесть вертикальной стены, но есть ли что дальше, не видно за поворотом. Попытаться пройти здесь — это последний шанс и надо его использовать. Забиваю скальный крюк и вывешиваюсь над колодцем.

Больше, однако, щелей для скальных крючьев не нашлось. Наступившей ночью я занимался тем, что бил горизонтальную дорожку из шлямбуров, а Яна сидела на полке. Под утро у самого поворота стены был забит последний, шестой крюк, я переместился на полку, а Яна заглянула за поворот и сообщила, что, похоже, там есть, куда лезть. Всего за этот выход я забил 9 шлямбурных крючьев.

Раньше я не мог понять — что сложного находят некоторые в прохождении привходовых шкурников Самохвата? И чего они мучаются по полчаса, если все так просто — уперся ногами, пропихнулся, подтянулся? Утром, в процессе выхода на поверхность, я их наконец понял.

А на поверхности в течение всей экспедиции происходила борьба с небывалым нашествием мышей. Мыши были везде. Они прогрызали мешки, лежавшие у палатки и хрустели ночью внутри них. Они тонули в кане с чистой водой, оставленном на ночь. А однажды вечером, когда я поел сала и откинулся, оперевшись на руку, одна особо наглая укусила меня за палец, решив на основании запаха, что это не палец, а кусок сала. Иногда мне удавалось ловить мышей за хвост и тогда я выбрасывал их в район сказки, но это не помогало. Пришлось подвесить транспортники с едой на деревья за вздежки. Это спасло еду от мышей, но через пару дней, когда мы подошли к подвешенному мешку, то услышали хруст, а потом через прогрызенную дырку выскочила соня (это что-то вроде крысы с пушистым хвостом и большими глазами). Она поднялась по гладкому мешку и тонкой вздежке и исчезла в ветвях.

С мышами в деле расходования продуктов соперничал Витя Пекин — человек с доброй душой, оригинальной внешностью и еще более оригинальным ходом мыслей. Он также любит петь под гитару, видимо, для услаждения слуха окружающих, и всегда готов помочь вам. Если вы хотите послушать многочисленные истории о подвигах Пекина, то обращайтесь в Перовский турклуб. В нашей экспедиции он использовал мощную амперную лампочку и полудохлые батарейки, свет на каске быстро гас и поэтому ему не удавалось проникнуть в пещеру дальше первого колодца.

Витя Пекин спускался в цивилизацию раньше нас. Последним подвигом, который он успел совершить перед самым уходом, была варка 2 килограммов сухого риса для вылезающих из пещеры. Получился полный до краев семилитровый кан прекрасного рассыпчатого риса. Остается только добавить, что из пещеры вылезали всего три человека — Марина, Андрей и я, а все остальные, возглавляемые Яной, еще раньше ушли к Снежной.

Во время этого выхода мы наконец узнали, откуда дует. Пройдя по горизонтальным перилам за поворот стены, а затем несколько метров вверх по осыпи, нависавшие глыбы которой остановили поднимавшегося прямо под ней Пушкина, мы, через четырехметровой ширины проход, попали в большой обвальный зал. В нижней дальней его части, находящейся примерно на уровне озера, между камнями и стеной дул сильный ветер. Очевидного прохода вниз мы не нашли, хотя и облазили завал, зато нашли прекрасное место для лагеря. Вылезали с утра — ночью пришлось пережидать паводок, так как гидрокостюм был только на мне.

Дождавшись Борю Галицкого, побывавшего перед этим вместе с Володей Киселевым и Володей Петровым в пещере-источнике Хабю, мы загрузились с лагерем в Самохват, взяв с собой еды на четыре дня. Перед спуском в 55-метровый колодец выяснилось, что Боря забыл транспортный мешок со своими вещами. Пришлось мне сбегать ко входу. Над пятиметровым уступом, верх которого еще освещен дневным светом через входное отверстие пещеры, я остановился передохнуть и немного остыть. И вдруг увидел, как что-то быстро движется на меня по отвесной стене снизу, из вечного мрака. Когда оно оказалось на моем уровне, я разглядел, что это соня, и взял в руку неуловимое животное, просто сняв его со стенки. Соня тут же укусила меня за палец. Тогда я крепко схватил ее другой рукой за шею; соня высунула язык и сказала примерно то же, что сказал я, когда Бизюкин уперся в меня ногами, пытаясь вылезти из треугольного вертикального шкурника Ветерка. Внимательно разглядев, я мстительно выбросил зверя в лужу у входа. Пусть вылизывается!

Лагерь, как и намечали, поставили в обвальном зале над озером. Сначала мы сделали попытку проникнуть через завал в нижнем конце зала, но она не увенчалась успехом: камни были сцементированы натеками, а ломика у нас не было. На третий день раскопали прямо над озером дыру в камнях. Копать, как это иногда бывает, пришлось в полуметре от “сказки”. Навесив 30-метровую веревку, удалось осмотреть дальний конец озера (с перемычки он не виден из-за поворота) и стены над ним. Открытий сделано не было.

Остался последний рабочий день. Лежу в спальнике. В голове возникает смутная мысль о каком-то несоответствии. Что-то не так ... Действительно, через вход в зал проходит гораздо больше воздуха, чем через завал в нижнем конце зала. Надо искать — в стенах зала должны быть дыры!

Вылезаю из палатки, надеваю комбез и пытаюсь залезть на глинистый крутой склон рядом с палаткой. Залез, забил крюк, повесил веревку. Передо мной щель, из которой дует так, что задувает свечу. Вход в щель закрывает лежащая на склоне глыба. Если поддеть ее ломиком, то она скатится вниз, на дно зала, и откроется проход. И почему-то кажется, что дальше препятствий уже не будет... Но ломика нет. Надо организовывать новую экспедицию, и тогда пройдем, если не здесь, то в нижней части зала.

Лезу еще выше, под потолок. Там обнаруживается ход с очень слабым током воздуха, идущий сначала немного вверх, а затем вниз, который я прохожу вместе с подошедшими Мариной и Андреем. Спустившись по уступам на 30 метров, упираемся в тупик, и тут нас нагоняет Боря: он следил за штурмом откоса в зале из палатки, а затем, когда мы исчезли из виду и наши голоса стихли, его разобрало любопытство.

10 августа, после выемки, я произвел измерение объема воздуха, выходящего из Самохвата. Сечение на входе измерить легко, труднее — скорость ветра. Для этого была использавана головешка из костра: если постучать ей по стенке, то можно приблизительно замерить расстояние, пролетаемое искрами за секунду. Результаты: скорость ветра 1.5-2 метров в секунду, объем 0.6-0.8 кубометров в секунду.

Забазировав навеску на Самохват, наша тройка выступила к Снежной. Боря, обладающий весьма непоседливым характером, убежал на луга на день раньше. Мы же засветло успели выйти из зоны леса и добрались до лагеря у Снежной при ярком свете полной луны.

Заключение,
которого лучше бы не было

Как известно, демократия — это власть народа. Вопрос в том, какого народа над каким. К сожалению, ответа на него определение демократии не дает.

О грузино-абхазской войне я узнал от пастуха, поднимаясь на гребень хребта от Сувенирой поляны, где мы стояли во время посещения Снежной. С хребта было прекрасно видно все побережье, оставшееся под контролем абхазов — от Пицунды до уже занятых грузинами окраин Сухуми. Изредка были слышны какие-то глухие удары — наверно, это стреляли орудия. А один раз низко-низко над хребтом, так, чтобы его не было видно с побережья, пролетел вертолет.

Вместе с Олегом Цоем и Ирой Гориной мы несколько дней занимались поиском у вершины Хипсты, а затем в районе горы Кванша, в наиболее удаленной от побережья части Бзыбского хребта. Нашли одну довольно интересную пещеру и, так и не достигнув дна, промаркировали ее, оставив у входа старые сапоги.

Сняли ловушки с источника на Хипсте. Однако результатов окрашивания воды в Самохвате нам узнать было не суждено: вывезенные из блокадной Абхазии ловушки украли у Бизюкина вместе с рюкзачком в московском метро.

В Гудауту мы с Ирой Гориной спустились в начале сентября. Все отдыхающие уже были эвакуированы. Можно было пойти на военный аэродром, и нас, как граждан России, может быть, увезли бы самолетом. А может быть, и нет. Мы отправились на пристань, где встретили команду крымских спелеологов, сбросившихся от пещеры имени Пантюхина. С ними был самый крупный спелеолог и спелеоподводник бывшего СССР — Гормозека из Новокузнецка (в миру — Олег Григорьев). Спелеологов большего объема и веса я не видел и, думаю, не увижу.

Побывали на приеме у коменданта Абхазии. Относились к нам все очень хорошо, несмотря на то, что политика России в это время явно не была проабхазской, если не сказать больше.

Уплывали в Адлер на прогулочном теплоходе — флот Республики Абхазия состоял из двух таких кораблей и небольшого буксира. Уплывали ранним утром четвертого сентября 1992 года.

Пройдя Пуцунду, кораблик резко отклонился в открытое море — Гагра была занята грузинскими войсками. Капитан и находившийся рядом с ним человек с портфелем (по-видимому, крупный абхазский начальник), все время напряженно смотрели в сторону берега. За несколько дней до этого корабль (причем российский) с эвакуируемыми отдыхающими был обстрелян здесь же с вертолета бывшим полковником советской армии, ставшим потом генералом грузинской, а еще позже сбитым на своем вертолете где-то в районе Ткварчели. Со стороны Гагры к нам подлетел какой-то вертолет, но, слава Богу, развернулся и улетел. Приближаемся к Адлеру, и вот через громкоговоритель объявляют: “Мы вошли в территориальные воды России”.

На пристани проверяют наши вещи с помощью металлоискателя, и начинают это дело с моего мешка, полного всякого железа, которое звенит, и тряпок. Приходится все это вытряхивать. Поняв, из чего состоит наш багаж, содержимым остальной кучи мешков не инте-

ресуются. Вопрос вызывает лишь алюминиевый контейнер со спелеоподводным снаряжением (такие контейнеры, по форме напоминающие толстый короткий карандаш и называемые в народе “першингами”, красноярцы используют в качестве транспортных мешков, а Женя Снетков использовал как-то в качестве урны в подземном лагере).

— А это что?

— “Першинг”.

Как ни странно, проверяющего ответ вполне удовлетворил.

май-июнь 1996 г.

ХРОНИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ В 1981-1996 ГОДАХ С СУБЪЕКТИВНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ

Юрий Косоруков

Начало восьмидесятых годов для университетских спелеологов ознаменовалось подъемом активности после долгих лет "великой депрессии", которая тянулась с окончания "эпохи Снежной". Активно шло исследование пещеры Меженного. А когда МГУ в который раз (как со Снежной) не повезло, и Меженного со Снежной соединили другие, сразу нашелся новый объект приложения сил. И опять нам его подарил неисчерпаемый Бзыбский хребет. В районе горы Остренькая в июле 1982 года была найдена и пройдена до -180 метров новая пещера. Саша Михалин, который был фанатом первопрохождения, смог этим же летом организовать туда экспедицию и достичь -350 метров, остановившись на большом колодце. Пещеру назвали в честь основателя спелеосекции МГУ Валентина Алексинского. Не дожидаясь следующего лета, уже в марте 1983 года Михалин собрал сильную команду для продолжения первопрохождения, основу которой составляли "Крото-Лоси", а точнее, студенты-геологи Мартынов Костя, Лосев Володя, Крот Саша и их друзья. Группа уже имела опыт зимних экспедиций в Меженного, и к тому же была усилена опытными Колей Марченко и Андреем Лебедевым. Впервые за многие годы для заброски использовался вертолет. Но, как часто бывает, беда приходит, когда ее не ждешь. Эта экспедиция оказалась для Саши Михалина последней. В новом 60-метровом колодце он въехал в узел под водопадом, хотел обрезать веревку, чтобы спуститься на страховке, но перерезал обе...

Это послужило началом нового спада в жизни секции. Университетское начальство запретило ее существование как "слишком опасной". "Старики" (то есть те, кто составлял костяк секции в семидесятые годы) постепенно прекращали заниматься спелеологией. Да и пещера в том же году была пройдена до сифона и явных перспектив не оставляла.

К счастью, не все "старики" нас бросили. Особенно хочется поблагодарить Чеботарева Колю и Мавлюдова Булата, которые и в то трудное время и потом всячески поддерживали спелеологическое движение (и не только в МГУ). Именно они в период запрета секции в МГУ проводят новую школу в Ленинском районном клубе туристов (ЛКТ). На несколько лет этот клуб на Плющихе стал для нас родным домом. Здесь у нас была комната для снаряжения, своя МКК. Тренировки проводились в Лужниках. Были организованы несколько школ Начальной туристской подготовки (спелео), которые финансировались турклубом. Появилось много молодежи, численность спелеосекции МГУ-ЛКТ достигла 40-50 человек. Но у нас не было "своей" пещеры. Основные достижения середины восьмидесятых : Вулкан (-300 метров), ЛКТ (-270 метров) и Крокодил (-180 метров) (все на Бзыбском). Они не тянули на "великую цель". Отсутствие таковой, многочисленность секции и наличие ряда лидеров, имеющих различные взгляды на спелеологию, привело к распаду секции на три части: группы Бизюкина, Коротаева и Косорукова.

Поскольку в стенах ЛКТ нам становилось тесно, я решил попытаться восстановить спелеосекцию в МГУ, благо началась "перестройка" и "демократия". Не без помощи письма

Московского городского турклуба ректору МГУ, после долгих переговоров со Спортклубом, в Университете был зарегестрирован Клуб спелеологов МГУ и мы снова смогли тренироваться в родном Спортгородке. Большую помощь в организации работы Клуба оказали Жолобенко Володя, Блохин Игорь, Фролов Саша, Сорокин Саша, Маслов Сергей и другие. Мы провели несколько школ, причем старались набирать новичков в МГУ. Постепенно Клуб возрождался. В это время большую пользу принесли совместные экспедиции с Перовским спелеоклубом, в те годы сильнейшим в Москве. С его помощью мы освоили трос-веревочную технику, а в 1989 году вместе участвовали в советско-бельгийской экспедиции в систему Илюхина (Арабика). Именно здесь мы убедились в преимуществе техники одной веревки (СРТ) и освоили ее азы. Правда, Миша Коротаев пропагандировал эту технику и раньше, но без хорошего снаряжения и опытных учителей она не прививалась. Жаль, что Миша не дожил до расцвета этой техники в России. Он погиб в Воронцовской пещере зимой 1992 года. После этого спелеосекция ЛКТ прекратила свое существование, распавшись на мелкие группы.

Российская спелеология долго была изолирована от мировой, поэтому важны были первые международные контакты Клуба в начале девяностых годов. Это позволило нам одним из первых в России освоить современную спелеотехнику и познакомиться (а потом и приобрести) лучшие образцы спелеоснаряжения. За несколько лет обмена опытом со спелеологами Англии, Германии, Бельгии и других стан наш технический уровень достиг международных стандартов. Работать в пещерах стало легче, быстрее и безопаснее. Правда, спелеология стала более индивидуальной и более "профессиональной", что не всем нравится. И никому не нравится, что теперь это очень дорогое увлечение.

С 1992 года ездить в наш традиционный район летних экспедиций - Бзыбский хребет из-за войны в Абхазии стало невозможно. Началась "эпоха Фишта". За пять лет Спелеоклубом МГУ было проведено 6 экспедиций на Северное плато Фишта, где были открыты и исследованы пещеры Англо-Русская (-395 метров), Крестик, Дубница и множество других. В этих экспедициях участвовали спелеологи Англии, Германии, Словакии и Испании. Соответственно, и мы смогли посетить эти страны. А в Испании в апреле 1996 года трое спелеологов МГУ, после длительного перерыва, отметились на глубине километра.

Наши новые лидеры - Андрей Шумейко и Денис Провалов известны и как спелеоподводники. Их первопрохождения сифонов в пещерах Медвежья (Алек) и Нахимовская (Крым) - один из самых интересных результатов, полученных российскими спелеологами за последние годы.

Конечно, наш Клуб был и остается, в основном, спортивным. Но нельзя не упомянуть научно-спортивные экспедиции Булата Мавлюдова в ледяные пещеры Тянь-Шаня, многочисленные фотовыезды и видеофильм "Фишт-93", получивший первый приз передачи "Золотая шпора". Большим нашим достижением я считаю выходящий с декабря 1993 года "Вестник Спелеоклуба МГУ".

Соревнования по спелеотехнике - еще одна сфера деятельности Клуба. Еще со времен чемпионатов России и Союза сборная Москвы состояла наполовину из спелеологов МГУ. С 1984 года каждый апрель мы проводим открытое первенство МГУ по спелеотехнике, посвященное памяти А.Михалина. Сейчас это главные московские соревнования. С 1993 года МГУ совместно с питерскими спелеологами организует популярные соревнования "Белые ночи". А в 1995-1996 годах наша команда занимала I и II места в классе "А" Матча городов Урала.

Беру на себя смелость заявить, что в 1996 году Спелеоклуб МГУ вновь на подъеме. Он, как и в "эпоху Снежной" стал одним из сильнейших в России и широко известным в Европе. Доказательство этому - и большое количество первопрохождений, и десятки публикаций в спелеоизданиях Англии, США, Швейцарии ..., и то что многие известные спелеологи России и других стран изъявляют желание участвовать в наших экспедициях, и растущее число членов клуба. Для полного расцвета нам не хватает только одного - своей километровой пещеры. Но как только Абхазию откроют...

ноябрь 1996 г.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ В СЕКЦИИ СПЕЛЕОЛОГИИ МГУ

Алексинский Валентин, Алексеева Лена
Март 1967, п. Сумган-Кутук, Урал

В экспедицию группа поехала как научная, а не как спортивная, экспедиция. Это была находка В.Алексинского для обхода бюрократических рогаток при организации спелеоэкспедиций.

При подъеме из 80-метрового входного колодца на голову Алексинского хлынула ледяная вода из проталины и его погубило переохлаждение. Алексеева, на которой под комбинезоном была надета единственная в группе полиэтиленовая гидра, поднялась по той же лестнице до его тела и умерла от разрыва сердца.

Тела погибших вытащил тракторист, прицепив веревку за трактор. Он подвез группу ко входу в пещеру, и с ним была договоренность, что он подбросит группу на обратном пути. После экспедиции у ее участников осталось чувство беззащитности перед пещерами.

Муранов Саша
Август 1973, п. Снежная, Бзыбский хр., Абхазия

К Снежной Муранов поднялся позже основной группы с корреспондентом «Комсомольской правды» Репиным. Они сразу отправились ко входному колодцу для фотографирования. Саша пристегнулся к незакрепленной веревке и, пролетев 40 м, упал в снег на дне входной воронки Снежной. Корреспондент, который фотографировал Муранова, кинулся в лагерь за помощью. Женя Цыбиков спустился в колодец первым и застал Муранова стоящим на снежном дне колодца. Поднимали их вместе: Сашу на спине Жени. Наверху Саша расслабился и начал бредить, периодически впадая в беспамятство. На следующее утро вертолет перевез его в местную больницу.

Поднявшаяся накануне группа бросила и втоптала в грязь на месте навески веревку, Муранов оказался у входа один, еще не придя в себя после тяжелого подъема к пещере, и навеску перед спуском не проверил. В итоге: шок, сотрясение мозга. Больше в пещеры не ходит.

Курков Сергей
Май 1975, п. ТЕП, хр.Алек

Сергей был сторонник «спортивной» спелеологии, которую развивал в секции Володя Антонов. Среди членов этой экспедиции он был физически наименее подготовлен и больше занимался подготовкой новичков, чем собственными тренировками.

Заброска к пещере ТЕП с 50-килограммовым рюкзаком и выход под землю до 500 м на следующий же день вызвали у Сергея сильный дискомфорт. Паводок при подъеме усугубил ситуацию. Когда до поверхности оставалось около 100 м, физическое истощение отняло у него способность двигаться, а веры в то, что товарищи его спасут, не было. Принципом группы было полное самообеспечение. Каждый спелеолог должен быть автономен, нести на себе все, вплоть до примуса, и не мешать быстро двигаться партнерам.

Неожиданный приступ буйства сменило постепенное угасание, и все усилия спасателей потерпели неудачу. Сергей погиб. Причина: кислородное голодание мозга.

Формально экспедицией руководил Саша Керимов, но все нарушения инкриминировались инструктору Володе Антонову - фактическому руководителю экспедиции и идеологу нового спортивного направления в секции. Эта экспедиция была этапом к достижению провозглашенной Антоновым цели - сделать Снежную до дна за 10 дней. Эта тактика была предшественницей SRT. Главное возражение против нее

заключалось в том, что с такой тактикой у группы нет запаса прочности, необходимой, в частности, для первопрохождения, где неожиданности встречаются на каждом шагу.

Петров Саша

Январь 1976, п. Малый провал, г.Н.Афон, Абхазия

Саша был молодым спортивным спелеологом, недавно окончившим спелеошколу, с большой перспективой. В экспедиции он был инструктором отделения. Пока отделение делало топосъемку, Саша решил сидя съехать по наклонному натеку в дырку, где 2-метровый уступ вел, как он помнил по прошлому году, в красивый зальчик. Но дырка оказалась не та - она вела в 40-метровый колодец. Вынимали Сашу на мягких носилках, несмотря на сломанный позвоночник, потому что ход шел через лаз, в которые жесткие носилки не проходили. Подъем занял около суток.

В результате несчастного случая - невосстановимый разрыв спинного мозга в области поясницы.

Тем не менее Петров оказался сильной личностью: после потери подвижности нижней половины туловища он перенес желтуху, неудачные операции, окончил аспирантуру и защитил диссертацию, женился, работает в ГАИШ МГУ. У него родился сын.

Шакир Юра

Ноябрь 1977, п. Абрскил, с. Отап, Абхазия

В горизонтальной экскурсионной пещере поднялся к потолку на несколько метров по глиняному склону и после неожиданного падения потерял сознание на несколько дней. Во время падения с этого 5-8-метрового склона он ударился так неудачно, что пробил каску и голову. Диагноз - ушиб головного мозга.

С 1979 г. Юра возобновил участие в спелеоэкспедициях. Начав с юбилейных пьес, он начал сотрудничать с московской и центральной прессой. Сейчас Юра почти профессионально пишущий спелеолог, его сообщения и статьи о спелеологах можно прочитать в журналах “Турист”, альманахе “Ветер странствий”, в “Вольном ветре” и других газетах.

Юмашев Дима

Март 1978, поезд Москва-Ленинград

Дима и его семья (жена Галя Джурихина) являются частью «старой гвардии» секции. Пришел он к нам из московской группы Ю.Колесникова в 1969 г.

При неизвестных обстоятельствах был убит в поезде “Москва-Ленинград”, тело обнаружено вблизи ст. Бологое. Компетентные органы посоветовали родственникам Димы не слишком интересоваться обстоятельствами его гибели.

Меженный Сергей

Ноябрь 1978, г.Тбилиси

С 1967 г. Сергея знали как спелеолога из группы МИФИ. В 1970 г. он пришел в спелеосекцию МГУ, а в следующем году участвовал в первопрохождении п.Снежной.

Убит (задушен) неизвестными в сквере у реки Куры, неподалеку от гостиницы "Тбилиси", где Сергей жил во время участия в работе научной конференции. Несмотря на вмешательство прокуратуры СССР, убийц так и не нашли.

Михалин Саша
Март 1983, п. Алексинского, Бзыбский хр., Абхазия

Михалин был председателем секции, победителем спортивных спелеосоревнований, «думающим» спелеологом. Он испытывал снаряжение, исследовал элементы питания, делал цветные фотографии.

На глубине 400 м, спускаясь в 60-метровый колодец, Саша въехал в неожиданный для него узел, завязанный на месте потертости поднявшейся до него группой. Он перестегнулся на страховку, перерезал рапель, но при этом надрезал нагруженную страховочную веревку, которая и оборвалась в момент резкого переноса на нее оставшейся нагрузки. Он разбился, пролетев около 30 метров и упав спиной среди глыб на дне колодца.

Спасработы проводили спелеологи МГУ при поддержке сочинских спасателей Горлова. Центральный совет по туризму выдал чистые бланки командировок: если что-нибудь случится - мы вас не посылали, а если будет все в порядке - все оплатим.

Когда Михалин упал, Лосев от пещеры спустился в село Псху и послал телеграмму, из которой следовало, что руководитель экспедиции погиб, а группа не может выйти на поверхность. Несмотря на такое известие, вылет вертолета задерживался под предлогом плохой погоды, затем - необходимости дежурного облета, потом - отсутствия подтверждения несчастного случая пострадавшими. Какое подтверждение и от кого они хотели получить, загадка. При такой системе спасения людей спасать было невозможно.

Силантьева Наташа
Июнь 1988, Камчатка, геологическая экспедиция «Дальквадц-самоцветы»

Наташу называли Мусенком за выносливость и упорство как у Муси Григорян, но завидовали стройной фигурке, когда она надевала резиновый гидрокостюм.

На Камчатку к вулканологам Наташа распределилась после окончания МГУ. Она обещала взять нас рабочими в экспедицию и рассказывала, как ей удавалось лазить в жерло извергающегося вулкана между выбросами пепла, так как только она профессионально управлялась с веревкой. Как-то раз она задержалась, и ей пришлось как сесть наверху, так и ехать донизу, пожертвовав шортиками и остальным.

Погибла Наташа неожиданно в результате своего неуемного желания работать в поле. Не дождавшись всего несколько дней до вылета вертолета к месту геологических работ, она уговорила начальника отряда и отправилась с ним и каюром в поле на лошадях. При переправе через бурную в то время р.Быструю на стрежне ее лошадь сбило мощной струей воды и та поплыла, сбросив седока. Наташа не смогла выбраться на берег, ее протащило около 7 км и после удара головой о камни она захлебнулась. Нашли ее на одном из островков, в 10-15 м от берега в позе ползущего от воды человека. Над могилой Наташи установлены те самые камни, которые она любила и ради которых погибла.

Коротаев Миша
Январь 1992, п. Воронцовская, Краснодарский край

Коротаев был председателем секции, руководил спелеошколой МГУ. В экспедиции у Миши преобладало довольно мрачное настроение. Перед поездкой у него было очень много ответственной работы, которую пришлось всю оставить, так как он не мог бросить им же организованную школу.

Ожидая группу в Очажном гроте Воронцовской пещеры, он поскользнулся и сорвался в колодец. С него слетела каска, он ударился головой о выступ стены и утонул в ванночке на его дне.

декабрь 1996 г.

ТРЕВОЖЕН ГОЛОС ВОДОСТОЧНЫХ ТРУБ

Лев Кушнер

В каре двора
среди больших домов
В Москве,
на Ломоносовском проспекте
Я услыхал
знакомый грозный рев...[1]
И время развернулось
в ретроспекте ...

На Иверской горе
мы лагерем стоим.[2]
Анакопийка вниз уходит этажами.
Шесть человек
ушли под землю.[3]
Я один
Дежурю ночью.
Провод между нами.

Разверзлось небо.
Мощная гроза
Льет с ревом реки
во входное жерло.
Я слово «жерло»
ощутил тогда,
Тревогу осязая каждым нервом.

На вызов - тишина...
А утром - обошлось.
Остались живы,
даже невредимы,
Укрывшись в среднем этаже,
где дождь
Лишь пошумел потоком,
пролетавшим мимо.

Через два года -
Западный Кавказ.[4]
...Ручей внезапно
помутнел и вздулся.
Скорей на выход!
И полощет нас

---

[1] Осень 1966 г.
[2] Август 1964 г. Экспедиция МГУ в Дагестан, Чечню и Абхазию.
[3] Алексинский, В.Важов, В.Горячев, ...
[4] Май 1966 г. Алек, ш.Величественная, рук. Горячев В. В.Важов, В.Гостинский, Н.Зеленцов, Л.Кушнер, Суворов.

Вода из всех щелей
и закоулков.

Без гидры,
в тряпочных комбинезонах,
С промерзшею спиной
и пересохшим горлом,
Сквозь водопад, хватая воду ртом
в ее полете,
Дыша под каской
в пузыре воздушном
Мы вышли все
из той воды живыми.

Еще семнадцать лет.
Вновь Западный Кавказ.[5]
Вновь
хляби бьют нас
сильными дождями.
Мы ждем просвет.
Дождались.
В этот раз
Судьба иначе поступила с нами.

Опять гроза, и паводок внизу.
Тревожный гул
растет по галереям.
С задержкою на час
встречаешь ты грозу.
Но здесь в потоке
не взбежишь по реям.

Из тех троих,
пережидавших вал,[6]
Один в колодце не сумел подняться.
Мотнуло об стену.
Летальный был финал.
И нам пришлось
без друга
возвращаться...

В Москве,
на Ломоносовском проспекте
Есть «Дом преподавателя»
и двор,
В котором
в сильный дождь
Тревожен
голос
водосточных труб...

1 сентября 1987 г.

---

[5] Лето 1983 г. Алек, п.Географическая.

[6] В.Сергеев, А.Лобачев, погиб Виталий Залукаев.

ВЫ МНЕ НУЖНЫ

Лев Кушнер

Вы мне нужны. Живите мужики!

Вы живы в памяти моей,
Горячев,
Валентин Алексинский,
Гостинский,
Елена Алексеева,
Михалин,
Корягин Вася,
Печников,
Морозов,
Лившиц...

Вы мне нужны,
мне тягостно без вас,
Среди иных друзей -
и одиноко...
И мрамора куски
мне не заменят ваших глаз,
Ушедших
в далеко -
далеко.

У каждого из нас
свой список лиц
Ушедших,
но всегда нам близких...
И большинство ушло
По собственной
небрежности
туда...
И даже не всегда
в самих пещерах...

И тем, кто ходит, кто еще живой,
Как будто крикнуть надо:
- Мужики,
довольно!
Живите!
Дорогой
Ценой мы платим,
будто бы невольно,

За бесконечный к безднам интерес.
Но я не закричу,
и не скажу, что хватит.

Сам был такой.
И мне понятен вес
Стремлений,
что станками
спины нам горбатят.

И все же!
Будьте живы, мужики!
Нас с каждым годом меньше остается.
Вы
мне
нужны
живыми,
мужики!

Снижайте риск,
покуда мысль бьется.
И всем смертям
возможным
вопреки
Пусть каждый
обязательно
вернется ..!

Это ваша обязанность
друг перед другом,
Перед братьями,
женами
и детьми:
Вы обязаны
быть друг для друга
Ныне
действующими
людьми.

31 августа 1987 г.